

25-го декабря 1927 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

2

2

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го грудня 1927 р.
ПРАНА

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. *Борис Кундрюцков*: Стихи (из цикла „Голутвенныя пѣсни“).
2. *Юрій Гончаров*: Зеленая дрема. (Окончаніе).
3. *Алексѣй Персидсков*: Стихи.
4. *Павел Поляков*: Стихи.
5. *Борис Кундрюцков*: Нужный человек.
6. *Константин Поляков*: Стихи.
7. *О. Бревус*: На півдні ясним...
8. *Юрій Гончаров*: Завтра и * * * — Стихи.
9. *Санжа Балыков*: Ад'яново счастье.
10. *Иван Колесов*: Пѣсня.
11. Эмиграція казачья и эмиграція русская.
12. *Ис. Быкадоров*: Происхождение казачества и возникновение Вольных казачьих Войск.
13. *О. Долинскій*: По поводу большевицкой диктатуры.
14. *М. Фролов*: О восточно-европейском.
15. *С. Лантух*: Чешская Маффія (Продолженіе).
16. Международная жизнь. — Обзор.
17. Казачья эмиграція: Письмо из Бразилии.
18. *В РСФСР*.
19. На Украинѣ.
20. В Казачьих Землях. *Е. Носенко*: Сельское хозяйство на Кубани при большевиках. — Разныя извѣстія.

Открыта подписка

на двухнедѣльный журнал литературный и политическій

„Вольное Казачество“

— Вільне Козацтво —

Условія подписки:	на 3 мѣс.	на 6 мѣс.	на год.
В Чехословакіи	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польшѣ	4·5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославіи	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгаріи	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франціи	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цѣна отдѣльнаго № в розничной продажѣ:

В Ч. С. Р. 3 кр.	В Болгаріи 10 лева
В Польшѣ 0·75 зл.	Во Франціи 2 фр. 50с.
В Югославіи 5 дин.	В других странах 15 ам. ц.

ВОЛЬНОЕ ВІЛЬНЕ

КОЗАЦТВО КАЗАЧЕСТВО

Двухнедѣльный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания первый.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

№ 2.

Прага, воскресенье 25-го декабря 1927 г.

№ 2.

Борис Кундюков.
(Загреб).

Из цикла „Голутвенные пѣсни“.

* * *

Снѣг лети — слѣпи!
Занеси все бѣлой пеленою,
Закружи холодною игрою,
— опьяни!

Снѣг лети — слѣпи!
Заблудился я, один блуждая:
Ну так что-ж? — Душа больная,
— усыпи!

Снѣг лети — слѣпи!
Заковать бы сердце, заморозить
Да в снѣга б его забросить
— здѣсь в степи!

Снѣг лети — слѣпи!
Зачаруй навѣки бѣлой сказкой
Да тоску своею снѣжной лаской
— задуши!

* * *

Тѣсныя каморки,
Узкія оконца.
— Крысы с'ѣли корки,
Люди с'ѣли солнце!
И во тьму несутся
Мысли вдохновенныя,
И разгулом рвутся
Пѣсни голутвенныя.
Жить всегда проклятым,
Диким, безшабашным,
Пѣснею занятым
Да весельем страшным.
Пусть кругом рѣшетки,
Стѣны, тьма, оковы, —
Мои пѣсни четки,
Мои пѣсни новы.
Тѣсныя каморки,
Узкія оконца.
— Крысы с'ѣли корки,
Люди с'ѣли солнце.

* * *

В кровавой мглѣ лихих столѣтій
Горит мечта суровых дней,
И в отраженном жгучем свѣтѣ
Душа становится сильнѣй!

Четвертовали кони тѣло,
И плаха ложем нам была, —
И в ноздри рванья продѣло
Нам время прошлыя дѣла...

Из вѣка в вѣк передалася
Упорно вѣра в торжество, —
И вот — в душѣ, в душѣ зажглася
Мечта в святое Рождество...

И, гордый духом, ногу в стремя
Занес, схватившись за луку, —
Мы — тѣ же все! Безсильно время
Сломить упорство казаку.

Как в старину — наган-пистоля!
И та же Дона булава!
И на знаменах слово: Воля!
И наш залог ей — голова!

.....

Юрій Гончаров.
(Брно).

Зеленая дрема.

(Окончание)*.

Странная она какая-то — учительница Алена Андреевна. Никак не может привыкнуть к ее причудам Зотов. То вдруг взбредет ей в голову, чтобы Тихон Григорьевич шел с нею в воскресенье к обѣднѣ, а рыбалкѣ около церкви и то совѣстно в своей одежѣ показаться; но учительница стоит на своем, — „глупости, одежда. Идите в чем есть!“ — требует. Однако Зотов на этот счет упрям и категорически отказывается. Тогда раздосадованная учительница хлопает дверью и кричит в окно, чтоб больше ей на глаза не показывался.

А через недѣлку, встрѣтив Зотова гдѣ-нибудь, опять сердится: чего долго не приходил? Не может понять Зотов, что за характер Бог дал его племянницѣ.

— Вчерась подарила, — весело размахивая расшитым шелком кисетом, говорит Зотов водяному, — а послѣ опять с бородой прицѣпилась: „обрей да обрей!“... Далась ей эта моя борода, скажи на милость!.. Бѣ-довая у меня, брат, племянница...

Серьезно слушают рыбалку плѣшивые пни. Весело шелестят листья над головой...

— Чудит дѣвка! Вы, — говорит, — дядя, кабы не пили, большим человѣком могли-б быть. Голова, — говорит, — у вас на плечах свѣжая, а руки — золото. Я-б вам тогда денег заняла, а вы бы озера за станицей могли откупить и враз-бы забогатѣли. Вон куда хватила! — хохочет рыбалка.

Внимательно слушает водяной, и что-то тонко змѣится у него на губах...

— Не пойму я: чего она баламутит? — продолжает Зотов, — а дѣвка хорошая. Пора-б замуж ей. Не хочет. А я-б ей приглядѣл хо-рошаго женишка.

Широко ухмыляется водяной чему-то... И хрипло гудит, погружаясь в воду:

— Дурак, ты, дурак...

— Сам ты дурак, — обиженно размышляет Зотов.

Вечернія тѣни колышатся в воздухѣ... Зотов сидит молча нѣкоторое время на травѣ, потом ежится от внезапно накатившей отчего-то тоски и уныло рѣшает: — Пойтить в кабак надо... — И поднимается.

Вот так всегда: подбирается откуда-то сосущая сердце муть и туманит колючей горечью тѣло, пока не загасит Зотов мучающій огонь острым пьянящим пойлом.

* * *

Тайный кабак, почти у берега Донца, содержит толстая краснощекая Семениха. Долго надо стучаться в плотно закрытый ставень, пока из двери не выглянет темная голова и, подозрительно оглядѣвъ ночного гостя, не скажет: — Входи, что-ли?..

Пьет Зотов быстро большими стаканчиками... Выпив, веселѣет сразу и начинает болтать со случайным пріятелем о всем. Семениха, сложив на животѣ руки, громко зѣвает и иногда сама вставляет слова в пьяную болтовню. Быстро охмелѣвъ, Зотов начинает хвастаться...

— Денег у меня, слава Богу... хватит, — и, вынув из кармана горсть серебра, рыбалка шлепает им о стол. — Я, брат, когда схочу, достану сколько угодно! Семениха настораживается.

— А гдѣ я их достать могу?.. — распоясывается Зотов, окидывая взглядом загаженные стѣны притона.

— А гдѣ же? — медово повторяет Семениха и глаза у ней бѣгают.

Зотов готов сказать, что водяной ему почти родня; но тут происходит что-то странное: язык сразу тяжѣлѣет и никак не может произнести нужное слово... Мысли скачут и лоточат в головѣ, и какая-то пьяная ерунда сыплется с языка. Зотов отчаянно таращит глаза, шевелит губами, стараясь произнести то, что

надо, но все напрасно. Тогда рыбалка осушает залпом еще стакан водки и, медленно опускаясь, сползает на лавку...

— Нахлестался, — брезгливо говорит Семениха. Видя, что и другой гость спит, положив голову на стол, она осторожно разжимает Зотову кулак, забирет серебро и проворно прячет в карман...

* * *

Дивное величественное шествіе совершается по землѣ...

Кувуркаясь и порхая, бѣгут дни в нѣжных разноцвѣтных одеждах по изумрудным дорожкам; смуглолиціе красавцы мѣсяцы, весело улыбаясь, идут за ними: весенніе — полуобнаженные, опоясанные молніями и синими кусками туч; в пышных шелковых, бархатных и атласных одѣяніях — каштановолосые лѣтніе мѣсяцы; в пламенных, сверкающих червонным золотом — осенніе, и зимніе шествуют в снѣжно-серебряных, горящих алмазной розсыпью, тканях. За прекрасными пламенно-окими мѣсяцами важно выступают облеченные в тяжелый многоцвѣтный бархат, с драгоценными посохами в руках, сѣдоголовые старцы-годы... А там — в золотых колесницах медленно двигаются согбенные и молчаливые Вѣка...

Так по всей землѣ, прикасаясь волшебными жезлами ко всему сущему и чудодѣйственно измѣняя все, наполняя гомоном и радостным щебетаньем вселенную, движется, не останавливаясь, чудное, прекрасное в измѣняющей красотѣ шествіе...

Чувствуя приближеніе шелестящих шагов осени, озорнѣе чудасят юркіе лѣтніе бѣсы.

В пустой хатенкѣ своей, на краю станицы, рѣдко ночует Зотов: развѣ только зимсй-стужа выгоняет из лѣтняго шалаша на берегу Донца. Больше в теплыя ночи спит рыбалка — гдѣ сон застанет.

Натолковавшись вволю с водяным, как-то уснул Зотов, сваленный хмелем, прямо на прибрежной травѣ. Проснулся утром, когда раннее солнце, забрызгав лицо спящаго, уже высоко поднялось над лѣсом; проснулся от холода и чьего-то ядовитого смѣха...

Прямо напротив, на другой сторонѣ рѣки, в кустах, осыпанных утренним жемчугом, стоял высокій черный Гадюка и, ухмыляясь, спрашивал:

— Неужто, Тишка, ты цѣлую ночь так ноги-то банил?

Глянул Зотов вниз и смутился: сам лежит на берегу, а ноги в водѣ по колѣна; так видно и кисли там до утра. Рады бѣсы человѣку какую-нибудь штуку сморозить; пока спал рыбалка, тѣ и стащили его к водѣ.

Долго потом, уходя, слышал Зотов ехидный смѣх Гадюки на другом берегу Донца...

* * *

Долго не наступали еще осенніе дни... Наконец, вытолкнула звенящая осень запрявившееся лѣто, как загуляващаго пьяницу кабатчик из кабака: — Погулял и довольно. Иди — отдыхай... спи...

Свѣжіе предосенніе вечера гуляют по станицѣ.

Что-то иное и неясное сквозит нынче в словах Алены Андреевны, когда рассказывает она о своих странствованіях по чужим землям. Говорит она о стремительно-клокочущей жизни больших городов, о каскадах электрических огней, заливающих улицы нервным блеском, о чужеземных величественных храмах, гордо возносящих гилгистыя верхушки в ночное небо; но чужой у нея голос, и какая-то думка сбивает ее ровное повѣствованіе. Зотов же преисполнен гордости за свою племянницу: — Ну, скажи на милость, куда только она ни ѣздила: и в Германіи была, и во Франціи, и по всей Россіи катала. — Силится и не может никак предста-

*) См. № 1 журнала.

вить себѣ рыбалка зубчатя стѣны замков, возросших каменными гнѣздами на неприступных скалах; и с увлечением спрашивает Зотов разсѣянную учительницу.

— Дядя, — говорит вдруг учительница, прерывая свои повѣствованія, — неужели вы так и не можете бросить водку?

Зотов морщится; такой переход ему вовсе не нравится, да и вопросы подобные слышал он непервой от Алены Андреевны.

— Чего нам толковать? Мое это дѣло и все. Ты вот что скажи: откуда они там в городах такое богатство имѣют?

Но учительница молчит... Тогда Зотов смягчается:

— Слухай, Алена Андревна. Ну на кой ты меня пилишь? Ну, пью я... Ну дак я-ж один и никого у меня нѣту и не будет. Жена была — померла. Что-ж я буду денгу складать? Кому?.. Братцу Ефиму, что-ли? Да Ефиму я и гнилой корки не дал-ба, хоть и миллионщиком-ба был. Чего-ж ради мнѣ в свою удовольствію не жить?.. Вот, ты говорила: „займу тебѣ денег, возьмешь озера на откуп“... Да ну на кой оно мнѣ шут все? Торгашем что-ли сдѣлаться, да трястись над грошом?.. Нѣт, Алена. Тут мнѣ покой и ничего не хочу я. А пью, потому — скучно без водки. —

— Женитесь, дядя. —

Долго и искренно хохочет Зотов.

— Ну и смѣшишь ты, Алена! Ну кто за меня пойдет?.. Хо-хо...

Учительница что-то пылко хочет возражать, но внезапно стихает и повѣствует дальше.

Острый вѣтерок жмет к флигелю и юзжит под ногами сидящих... Изумляется и ахает Зотов, слушая Алену Андреевну...

Наконец, учительница поднимается. Странная какая-то горечь гнѣздится в уголках ея губ. Она долго смотрит на привставшаго рыбалку и говорит чужим голосом:

— Скоро я должно-быть уѣду. В Новочеркасск перевожусь, на днях распоряженіе должно-бы прийти... —

У Зотова вдруг что-то обрывается внутри... Наконец, он спрашивает:

— Насовѣм, что-ли?.. —

— Насовѣм. —

Зотов мнет фуражку, не зная, — что сказать; учительница быстро протягивает руку:

— Ну, спокойной ночи, дядюшка. Завтра заходите. И уходит...

* * *

Быстро пронеслись легкіе осенніе дни на серебряных крыльях.

Звеза осыпалась пламенная листва... Зашелѣстѣло под ногами... Птичья голоса умерли в засквозившемся лѣсу. По утрам серебряными иглами щетинится трава. Чаше виснут с неба темныя тучи косматыми чубами. Падают рѣдкіе дожди...

... День выдался холодный, сумрачный. С утра заволкло тучами, и небо висѣло над землей темной гнетущей броней... К полдню ударил студень вѣтер, разсыпался злыми вихрями по лѣсу и завыл многими голосами в оголенном лѣсу. Глухо зарокотал и застонал лѣс... Заметались, хлещась о землю, нагія вѣтви; скрежеща и обламываясь, падали молодые стволы...

Вѣтер крѣпчал...

Гудом гудѣло все у рѣки... Тучами вздымались и вертѣлись в бѣшеном танцѣ сухіе листья, туманя задернутый мутью яростнаго вѣтра, мечущийся над землей, лѣс и сѣросвинцовыя дали. Хрипло урча, носился косматый вѣтер повсюду на своих черных крыльях, рвал жалостливо плачущія вѣтви и с диким торжеством ухал, валя подгнившіе дубы...

Попряталось все живое... Глубоко под землю в зеленый терем свой ушел водяной и, убаюкиваемый отдаленным шумом все растущей бури, дремал на мягких шелковых подушках...

... Сопровождаемый яростными порывами ослѣпшей от злобы бури, шатаясь и спотыкаясь о коренья, прошел через мглу бурнаго осенняго вечера рыбалка-Типка

Зотов к рѣкѣ... И долго металась его высокая фигура между визжащих и хлещущих вѣтвей.

Долго кричал что-то хриплым голосом, посинѣв от холода и натуги, силясь перекричать осатанѣвшій ликующій вѣтер... Красные, слезящиеся от долгаго пьянства, глаза тщетно искали кого-то в злобщей тьмѣ, и, надрываясь, хрипл срывающийся голос:

— Водяно-ой! Э-ей!.. Водяно-ой!..

Но далеко, зачарованный осенними пѣснями, окруженный звенящими голосами водяных дѣвок, спит водяной.

И, даваясь словами, хрипит над рѣкой пьяный рыбалка:

— Водя-ной!.. Уѣхала... Племенница-то моя!.. Алена... Андревна!.. Во-дя-но-ой!.. —

Не дождавшись отвѣта, прихватывает Зотов трясушей рукой фуражку и, качаясь, бредет в ревущую мглу лѣса, разметающимся несуразным видѣніем маяча между извивающихся деревьев...

* * *

... В полночь наперерѣз воющей бурѣ, прилетѣла издалека с сонмом гомонящей нечисти вѣдьма в черном рваном платьѣ, с развѣвающимися по вѣтру космами жидких волос. Опустившись на пеня, просверлила тьму злыми углями огненных глаз и, приложив руки ко рту, завизжала пронзительно над водой:

— Гал-гал-гал!.. А-ла-л-гал-гал!..

Покричав желѣзным голосом своим нѣкоторое время и не слыша отвѣта, плюнула озлившаяся вѣдьма:

— А, что-б вы повыздыхали всѣ!.. Замерзайте-ж, окаянные, когда так!.. —

И, взметнувшись в воздух черным призраком, угнув тощую грудь, помчалась вѣдьма дальше через лѣс и тьму, окруженная сотнями визжащих и улолюкающих духов, завываньем бури и скрежетом падающих деревьев...

* * *

Чудо совершилось ночью.

Бѣлое метельное утро смѣнило тьму... Снѣжными холодными хвостами закружилась и закурила метель над землей, затуманилось и потонуло все под бѣлыми жужжащими тканями затѣйливой зимы. Тонким льдом подернулась рѣка и стала обрастать снѣжным мохом... Новые и веселые голоса зазвенѣли в густом, валом валящем с неба, снѣгу. Кончилась осень...

Над рѣкой бодро и весело работали и звенѣли серебряными молотками удалые краснощекіе ребята — морозовы внуки; в бѣлых пуховых полушубках, в хрустальном подкованных сапожках, со снѣжно-серебряными шапками на затылках, бѣгали морозовы внуки в метельной мглѣ — бойко покрикивали и постукивали, заколачивая стеклянные гвозди — и под их руками росли снѣжные терема и башни, узорные мосты и колокольни из тончайшаго хрустала. В зимнія одежды обряжали лѣс и украшали пушистыми шапками хаты в станицѣ...

Проломив лѣбом лед, вылѣз на свѣт Божій водяной и удивленно прохрипѣл:

— Вот тебѣ и на!.. Чего тут творится-то?.. Вот закурили ребята!

Звонко переключаясь, засмѣялись морозовы внуки: — Проспал, проспал, старій... А ночью вѣдьма летѣла...

— Ну?.. Не слышал... Здорово вы, ребята, работаете. —

Ухмыляясь, вылѣз водяной и лег зеленым брюхом на лед, подперев ладонями широченную свою рожу.

— А дѣд-то гдѣ-же?

— Дѣдушка вперед пошел, уже далеко, — стуча по стволам, прозвенѣли морозовы внуки.

— Ишь, ты... Ну и метель-же вы подняли.

Уставясь взглядом в вертящуюся пелену, заглядѣлся водяной на творящееся кругом...

— Не выдали моего дурака-то? Гдѣ-то в степи бродит, — послушав, сказал брюхатый.

— Тишка, что-ль?.. Бродит...

— А вы его пригоните-ка сюда, ребята. А я полѣзу. Дѣдушкѣ кланяйтесь... Эх, дьяволята, рыбу вы мнѣ позаморозили.

Крякнув, снова погрузился водяной под лед...
... К вечеру кончилась метель... Между серебряных
игольчатых звёзд, из-за очарованного бѣлым ажурным
сном лѣса вылъзла широколицая зеленоватая луна. И
заструила студёный загадочный свѣтъ над овороженной
рѣкой...

Купаясь в нѣжном зеленоватом свѣтѣ, чудесным
серебряным видѣнием повисли над землей разукрашен-
ныя тонкими затѣйливыми узорами деревья, бѣлая рѣ-
ка и задумчивые пни в бѣлых мохнатых шапках...

Молчаливое серебряное царство выковала зимняя
ночь...

И в чудесном снѣжном царствѣ между узорчатых
серебряных замков и призрачных башен, в таинствен-
ном свѣтѣ зимней луны не удивителен несуразный
пень в бѣлой шапкѣ — похожий на человѣка.

Кажется, если подойти ближе: темный чуб виснет
из-под снѣговой шапки, залитая лунным свѣтом струится
острая борода на грудь... И опущенные вниз глаза,
под закрытыми вѣками таят мудрую улыбку все про-
никнувшей мысли...

5-IX-1927.

Dolní Loučky u Tišnova.

Алексе́й Персидсков.

(Брно).

* * *

Я — рыцарь зипунный,
В степи ковыльной
Ночью лунной
На холм могильный
Неслышно вѣду...

Я — пѣнный кубок
Вина до края —
Холодных губок
Коснусь, сверкая...
— Завтра.

Я — смерч и буря!
Зимой холодной
С морозом споря,
Пою свободный —
О Славѣ...

10/X—1927.

* * *

На дворѣ метелица метет,
Заметает всѣ овражки, байрачки.
Кто-то милаго напрасно ждет,
Не придет он... Знаю — не придет...

Пѣсней плачется пузатая труба,
Мглится сумрак у окон.
А у Вас зачѣм закушена губа?
И куда Вы смотрите, куда?

Долго пѣсною будет пѣть Вам снѣжная
пурга

Злиться вѣтер, сумрак мглиться...
А у Вас с рѣсниц спадет жемчужная слеза.
Так вѣдь? правда? да?

10/X—1927.

Павел Поляков.

(Бѣлград).

* * *

Под мятелю и выугой суровой
Средь зимой запурженных равнин
Я — забытый, потерянный, новый —
Встрѣчусь с болью один на один.

В испытаньях не выпущу шпаги, —
Путь мой тяжек, но все-ж недалек,
И я вѣрю — мнѣ хватит отваги
Освѣжить заржавѣлый клинок.

Перед Идолом, в полѣ застывшим,
Помолюсь ли Тому — кто с'умѣл
О свободѣ и волѣ забывшим
Дать скитанья в тяжелый удѣл.

Помолюсь?.. Или, выпивши с горя,
Поверну, приминая цвѣты,
Поклониться широкому морю
И отвѣдать его красоты.

И... в ладѣ и опасной и тѣсной,
Без весла, не подняв парусов,
Устремлюся я в путь неизвѣстный
Для скитаній и болей, и снов.

Звѣзды мнѣ перескажут былины
О таких же ничтожных, как я, —
И средь водной бурлящей равнины
Сложит крылья надежда моя.

И уйду я, не бросивши взгляда
На меня пріютившую гладь,
И, надѣвши иные наряды,
Буду весело пѣть и плясать.

Пусто в сердцѣ, — там вѣтры не стонут...
К черту шпагу — пустые ножны!
Гдѣ вы, черти? — молчат и не тронут:
Им такіе, как я — не нужны.

Не нужны окаяннм — смѣются...
Эй... вы!.. Нужен я вам или нѣт?

У виска мои кудри совьются,
Повстрѣчавши нѣмой пистолет.

И в степи неизвѣстной и жуткой
Обману я вас — эй, воронье!
Подшучу с вами злобную шутку —
Дам вам выклевать сердце мое!

Отравлю окаянных тоскою!
Желчью души вороньи налью!

Эй, поймите... больною душою
Я послѣднія пѣсни пою!

Борис Кундющков.

Нужный человек.

(Из цикла „Степные эскизы“).

Посвящ. З.

Только в степи и могут рождаться такие люди занимательные, как Степан Гапоня. Родился он от Гапони Кучеряваго или „кундюка“, как его называли татары, переводя на свой язык слово „кучерявый“, и Алыме-татарки.

Отца вы навѣрное ея знаете, Эренже Махмеда, низенькаго, как и дочь, кругленькаго татарина, у котораго жена была калмычка. Так что у Гапониана Степана была только треть природной казачьей крови и она, удивительно, замѣтно перетягивала. Степан прилѣпливал ладонью к дѣйствительно кучерявым волосам низенькую папашенку, лохматую, лохматую — „чи курпей, чи собачья шерсть“, и гордо заявлял, что он с Дону, лихой человек—сирѣчь, казак... и ежели кто подступится или что о себѣ многое возомнит, то...

На „то“ он хмурил брови, поводил тонким, но с разѣхавшимися ноздрями носом, и скулы его шевелились оттого, что он крѣпко сжимал бѣлые, крѣпкіе, как слоновою кость, зубы... Так то вот никто и не совался!..

А то... разглаживались морщины лба, закидывал он голову и громко на всю степь хотал...

Удивительный был человек Степан Гапоня.

Найдет на него вдруг задумчивость, — слѣз с коня, сѣл в траву и сидит... Час... другой...

Или прискачет в кочевье, бросит повод татарченку, зайдет в юрт к мирным татарам, да на подушки бух — и в храп... А хозяйева около ходят, ждут пока отоспится.

А то... стоит раздумывая, бывало, голову спустит, руки уронит, глаза застеклятся, да потом как тряхнется весь „со всѣх четырех ног“, грудь колесом, ноздри как у жеребца, в глазах — огонь не огонь, а пламя полыхает, ударит рукой по чубу, закинет его на папаху и загорѣлся весь, заюнлит.

Все в такую минуту сдѣлает. да еще и замѣется сдѣлав, а как замечтал — другой человек — веревки вей... Только в огневую минуту не попадай: полосой через живот да грудь богатырскую вывернется шашка кривая, заблестит жирной тусклостью, ну тогда держись... Пойдет валять и направо и налево.

Татарку в жены себѣ приглядывал...

— Тихія онѣ, смиренныя, слова не скажет... А мнѣ такую и надоть, — не то, што там якусь княгиню Кабургоцкую. Я нонѣ здѣсь, а завтра Бог знает идѣ... потом прискакал, и жена вѣрна, и юрта тепла, и кумыс прѣть... Я — человек у Разина нужный: хотишь на Яик — на Яик, в Персію — и в Персію, с превеликим даже удовольствием, на Урал — отчего же?..

Так-то вот!

И татары принимали его сватанья, только тихомолку давно зубы точили извести Гапоню.

Накладным выходил „ясырь“, да и за ордой тянуло. А тут жених тоже... своим нехватает...

Бѣдит, к самой богатой невѣстѣ подлаживается, а выкупа платить не хочет... Погибнет задаром дѣвичья душа... Да еще и христианин...

Давно прирѣзали б, да боялись. Друзей у Гапони — цѣлая степь. Гдѣ там степь? Крикнет, за Волгой молодцы посвистят — отзовутся, у низовых и у запорожцев Гапоня на первом мѣстѣ... Встрѣчаются, ровно братья...

— А, Гапоня!..

Туда-сюда, коней спутали, баклажка и прочее такое... как и что... А разѣдутся, так и то, до „скорого свиданья“, на Крым или на москалей сунуться... И предупреждали Степана свои ребята, отводя взгляд от татарских раскосых, узких глаз.

— Эй, Гапоня, брось с ними путаться... И чего табѣ баба татарска нужна? Какая такая нужда? Этой сволочи вездѣ колько хошь...

— А чего мнѣ их бояться, мы не этих гладим-то татар... Только и дѣлов.

И днюет, и ночует, к дѣвочкѣ разными боками поворачивается, да по скулам ея пальцами водит, уговаривает. Та только жметя да трясется, да в ногах слабѣет... Оно и понятно... Рѣсницы рѣдкія, большія...

Отец с матерью и еще с двумя женами из темнаго угла смотрят, не то завидуют, не то любятя. Ибрагим-отец иной раз до того внимательно, что, замѣтно блѣднѣя, наливаются желтым воском круглыя щеки и низенькій лоб. Должно от зависти...

А Гапонѣ — горя мало. Тронет ее за бок, охватит сидя тонкую талию, да и сплетет пальцы, подержит так и разомкнет руки... А она невольно отваливается от него на мягких своих подошвах, качнется и совсѣм совѣет... Только чувствует Степан тѣлом она к нему не идет. Бѣжит оно между пальцев, уходит оно от него... Возьмет за тугія толстыя одежды, слышит теплоту смуглаго тѣла, пальцы к влажной кожѣ липнут, а боится чего-то татарка, одно слово — не идет.

Может отец от зависти ей что нибудь в уши нажурчал, язык-то у них — лапочут и губами цокают... Тарабарщина!..

Как и раньше, так и этот раз приѣхал из степи Гапоня.

Перенес ногу через луку, спрыгнул, вогнав острыя носы сапог в рыхлую разбитую копытами землю, отогнул полость и влѣз в темноту душной юрты.

— Принимай гостей! — сказал и стал в углы приглядываться.

— Ая! Ая!?

Услышав свое имя, поднялась с подушки вышитой, но грязной и стертой, провела по лбу концами желтых пальцев с темными ногтями, и сверкнули навстрѣчу большіе косые глаза, будто сказали:

— Опять?.. — Сказали, да и замолчали, замолчали, да и покорились...

Минутѣ покорились... А Гапоня умѣл ловить минуту. Кинется как коршун, повалит, найдет сухія азіатскія губы, татарскія, колючія, да сквозь сухость свою ласковыя какія-то, солнечныя, кумысныя... Прильнет к ним и рвет голову всю в тонких, крученных косичках... Закрывается свѣтлыми ладонями... Доберется Степан до зубов бѣлых, прилипнет к дѣтской нѣжной кожицѣ, и уж цѣлует, цѣлует.. Мукой полна дѣвушка, растет у ней что-то в груди, жуткое к горлу подкатывается, томится вся, мучится и не понимает...

— Будь женой... — шепчет Степан — никому тебя не отдам... Я нужный у Разина чело-вѣк... Правая рука... В Кремль жить будешь...

Таращит глаза, бьется...

Ни одного слова не понимает. Кремль??

Чувствует силу его поцѣлуев, вот он близко, кучерявый казак, пьет ея нутряной жар, ласкает... Зачѣм?.. За что?.. Оторвала губы, посмотрѣла через его плечо и замерла вся. Отца увидѣла, стоит он и нож в руках. Зажмурилась... ничего и не видѣла. Слышала, как стащили его тѣло с ея груди... Знала, что убили его и боялась открыть глаза косые, повторила его слова, растягивая каждый странный, мягкій слог...

— Кре-мль... У Ра-зына, нужный чело-вѣк...

Много у Гапони было друзей, — посвистит, за Волгой отзовутся... Только, когда погиб и был зарыт поспѣшно уходящими татарами, кто-то вспомнил.

— А Гапоня, поди, с татарами ушел, — папашенку да коня издали ктой-то видал!..

А маленькая Айя?.. Она — она больше никому не дала свои губы!.. Вѣдь нож она утащила у отца, у Ибрагима... должна бы...

А впрочем?! Кто ее знает?!

Константин Поляков.

(Брно).

* * *

Черныя, липкія мысли
Мозг уставшій клюют,
Сердце мое изгрызли,
Свѣтлую юность крадут.

С чѣм я иду — не знаю!
В зимнюю, стужную ночь
Чашу страстей принимаю,
Чтобы далеким помочь.

Путь мой широким шляхом
Прямо лежит предо мной...
На наших прострѣленных стягах —
Призыв к Волѣ святой.

В мыслях огонь играет,
Бич в руках стальной,
Кровью своей начертаем
Границы земли родной.

Наша святыня — Воля.
Древній сѣдой ковыль
Разскажет, гдѣ в Диком Полѣ
Зарыта казачья бѣль.

Волей своей откопаем,
Юным умом освѣжим:
Прошлое станет явью,
А не сном золотым.

24/XI—1927.

* * *

Храм готическій шпием
Рвет облака в небѣ.
Под храмом нищій безлицый
Грезит о насущном хлѣбѣ.

Синюю руку в жилах
С шапкой дырявой тянет,
На проходящих спинах
Взор безнадежно вянет...

Ждет, — но не звякнет копейка,
Взор не блеснет надеждой —
Видно, судьба злодѣйка
Не была к нему нѣжной.

Изрѣдка взгляд брезгливый
По грязным лохмотьям бродит.
Видно, дѣд слезливый
Мышает им в проходѣ.

Рявкнет сирена хрипло...
Ждет — но проходят мимо...
Нищаго рот улыбкой
Злой изогнулся криво.

Вечер с туманом липким
К влажной землѣ приник.
Скрылся в нишѣ низкой
С шапкой дырявой старик.

В шапкѣ напрасно ищет
Плод доброты людской...
И с укоризною нищій
Нервно затряс головой.

25/XI—1927.

О. Бревус.

* * *

На півдні ясній, в широкому степу, біля блакитних хвиль, в проміннях сояшних зродилась Воля... — На хмурій півночі, на просторах безкраїх, у сірій мряві виріс її Кат...

Століття вже триває кривавий тяжкий бій між дітьми нерівними нерівних двох стихій... Здавалось — Воля одоліє: її веселий усмів ми бачили вже всі в проміннях сонця. Лише здавалось нам...

Ще ворог живе, ще він лютує, і гострі пазурі його ще в тілі Волі. Нерівний бій триває... Безсиліє все більше в останнім бою Кат... Ростає й живе надія і в серці і в душі живій...

Юрій Гончаров.
(Брно).

ЗАВТРА...

Вспыхнет солнце — огненный алмаз
В стеклах окон часом ранним,
Завтра пламень ждущих женских глаз
Станет ближе и обманнѣй.

Щуря взгляд в таинственный туман,
В тайный сон рѣсниц открытых,
Высоко с вином взнесу стакан
И, смѣясь, швырну о плиты.

И пойду с шумящей головой —
Хмельный, воздух пить зеленый,
Побреду под освист вѣтровой
Между стѣн шумящих кленов.

Буду слушать, как вода шуршит.
В гуцах вешних листьев пьяных
Я сыщу гнѣздо, гдѣ вѣтер спит...
И свалюсь... засну в бурьянах.

15/IV—1927.

* * *

Сокрыв в своей душѣ немеркнувшее иго,
Я в смутный час гадал над жаром золотым.
И в мозг вструила мысль мнѣ пламенная книга,
И вѣщје значки метал колючій дым...

Гаданья предрекли мнѣ: вьюжную дорогу
И сумрачную жуть невѣдомой грозы.
И синіе псалмы я огненному богу
Сложил в суровый час, приняв святой призыв.

17/XI—1927.

Санжа Балыков.

Ад'яново счастье.

Ад'яну, восемнадцатилѣтнему парню, крѣпко нравиться бойкая, черноглазая, не дурная лицом, тонкая и стройная Алта, дочь сосѣда Цедена.

Цеден — гордый и самый зажиточный хозяин в своем хуторѣ; Алта у него — единственное дѣтя; он найдет ей не такого, как Ад'ян, жениха.

Ад'ян — одинокій сирота, долго он будет на ролях работника у скупого дяди, который его вырастил.

Ад'ян — молодец: он высок ростом, чист лицом, крѣпко и ладно сложен, танцор, пѣсельник и вообще весельчак.

На вечеринках не одна дѣвица бросает на него „теплые“ взгляды, но взоры Ад'яна всегда направлены в сторону смуглолицей Алты.

Лихо оттанцевав перед балалаечницей, он чаще всѣх передает очередь Алтѣ, лишь для того, чтобы не упустить случай робко прикоснуться рукой ея плеча.

А если заиграют в разноску кольца, то Алта уже заранѣе знает, что кольцо останется в ея рукѣ.

Она давно знает, что все это означает, но как дочь строгих родителей и думать не смѣет выбирать себѣ жениха, хотя Ад'ян ей и приятен.

Поэтому всѣ ухаживанія Ад'яна, как бы не замѣчает Алта.

* * *

Однажды, весенним утром, сосѣди увидѣли, как Дава, дядя Ад'яна, одѣтый в черный шелковый бешмет, подпоясанный синим шерстяным кушаком, неся в правой рукѣ старинный кожаный „берве“ с рабѣй и небольшой бѣлый узелок, вошел в дом Цедена.

Всѣ поняли, что это сватовство.

Одна из любопытных сосѣдок немедленно побѣжала в Цеденов дом и подслушала такой разговор:

— Ну, Дава... что это за рак и гостинец, и с чѣм вы пожаловали ко мнѣ?

— Вы, как старый почтенный калмык, должны знать, — издавека, традиціонным, витѣватым, старинным калмыцким языком начал Дава, — что наша старинная пословица гласит: гдѣ продажный конь, туда приходят покупатели, а гдѣ есть дѣвушка на выдань, туда приходят сваты. Я пришел к вам, дорогой сосѣд, потому, что имѣю в соотвѣтствующих годах племянника, замѣняющаго мнѣ сына. Я пришел к вам с добрым

законным намѣреніем породниться с вами крѣпкими узами через посредство наших дѣтей. Я был у нашего Ламы, и он открыл в священном писаніи, что мой племянник и ваша дочь могут быть счастливы... — закончил Дава и молитвенно сложив руки, умолк.

— Мы с вами, Дава, всегда были добрыми сосѣдями и теперь для вас я не имѣю дурных мыслей. Тому, что вы пришли с этим законным предложением, не сержусь, но я не могу принять вашего сватовства, — твердо и с достоинством отвѣтил Цеден.

— Цеден, не обижайте нас, не заставляйте нас вѣчно скорбѣть, что обратились к вам, пожалѣйте меня, вашего старого сосѣда, подумайте, посовѣгуйтесь с супругою и родственниками...

— Нѣтъ, нѣтъ, — перебил Даву Цеден, — ничей совѣтъ мнѣ не нужен, ищите свата по себѣ; свое окончательное слово я сказал, и дальнѣйшіе разговоры будут лишни. Хотите сердиться хотите нѣтъ, вы напрасно вздумали придти ко мнѣ. Вы бѣдны, а ваш племянник так вовсе гол; как же я могу выдать свою единственную дочь за одинокаго бездомнаго сироту.

— Простите, что же дѣлать, но выпейте, Цеден, из моих рук хоть чашку раки, которая ни к чему вас не обязывает. Иначе мнѣ стыдно будет выходить с нетропутой рак й, вы знаете, что по нашему обычаю это для меня очень позорно.

— Нѣтъ надобности, до вашего позора мнѣ дѣла нѣтъ, к вашей ракѣ я хочу прикасаться, — оборвал Даву Цеден и, хлопнув дверью, вышел.

Униженный и пристыженный отвѣтом и пріемом Дава не знал, что дальше дѣлать. Послѣ ухода хозяина никто в дом не входил, как будто не знали, что сидит там Дава.

Просидѣлъ так он до самаго обѣда.

К обѣду вошла хозяйка дома, молча взяла „берве“ с рак й, пряники в платкѣ и, сунув все это в руки Давѣ, предложила ему покинуть их дом.

С красным от стыда лицом вышел оттуда Дава и с опущенной головой побрел домой.

Увидѣвъ так скоро и с таким видом возвращающагося дядю, Ад'ян, накладывавшій на возилку навоз посреди двора, сразу догадался, что его дѣло не выгорѣло. Сердце сжалось и защемило, злоба закипѣла в груди, и в порывѣ гнѣва стал Ад'ян шептать клятву:

— Да не прожить мнѣ положенные годы; не увидѣть мнѣ солнца жизни, если я не женюсь на Алтѣ, — шипѣлъ он про себя, все быстрѣе и быстрѣе раскидывая навоз.

Вечером жена дяди сказала Ад'яну, какой позорный и категорическій отказ они получили от Цедена.

Ад'ян молча выслушал и без ужина завалился спать на свою жесткую постель за печкой. Долго он не мог заснуть; много передумал за ночь всяких дум.

На утро, когда дядя выѣхал посмотрѣть всходы хлѣбов, Ад'ян подошел к дядиной женѣ и рѣшительно сказал:

— Старая „берген“, я знаю, вы с дядей вырастили меня-сироту, вывели в люди, теперь ноги мои могут уже достать стремя, а руки торочины. Я не забуду вас под вашу старость за все вами мнѣ сдѣланное, ничего от вас мнѣ не надо, думаю также, что и вы не можете что-либо от меня требовать, вѣдь с десятилѣтняго возраста я помогал дядѣ, не щадя сил, как наемный работник... А теперь, прощайте, я иду искать свое счастье.

И Ад'ян пошел.

Дава, узнавъ об уходѣ Ад'яна, не особенно огорчился.

— Что же, придется во время лѣтних работ нанимать работника, зато не заботиться о женитьбѣ Ад'яна и об его выдѣленіи с хозяйством, — сказал он и успокоился.

* * *

Ад'ян шел пѣшком, с плетью в рукѣ, направляясь к далекой Манычи. В своем хуторѣ ему жить не хотѣлось. Он рѣшил добраться до коннозаводчиков, наняться в табунщики, заработать деньги, а там, что Бог даст. До ближайшей кашары коннозаводчика было верст сорок. Хорошо зная дорогу, он бодро шел.

Синее небо, с большими, как огромныя кучи ваты, бѣлыми облаками кое-гдѣ, высоко разстилалось над

ним. Горячее весеннее солнце щедро лило свои живительные лучи. Высоко-высоко, в поднебесьи, парили кобчики, ястреба-хищники; ниже заливаясь пѣли жаворонки — божьи музыканты. По обѣим сторонам степной дороги, пестрый ковер трав то и дѣло смѣнялся морем зеленѣющих хлѣбов.

Степная весна была в расцвѣтѣ своей красоты.

Легко и свободно дышала грудь. Ад'ян забыл свое бездомное одиночество, бѣдность; забыл полученную обиду; мечты одна соблазнительнѣе другой туманили ему голову и, вдруг, он заплѣ.

Плѣ он красивую старинную пѣсно со спокойным и величавым, как сама степь, тягучим мотивом. В ней говорилось о весеннем небѣ, о вольных птицах, о рыбах в морѣ и о добром молодцѣ, рыскающем по широкой степи на рѣзвом скакунѣ.

Раскраснѣлось лицо Ад'яна, заблестѣли глаза, раздуться стали ноздри, и рука крѣпче стала сжимать плеть. Не доставало только скакуна, чтобы, в оп'яненіи от удала, вихрем помчаться по степи.

Кончилась чудная пѣсня старины; умолк Ад'ян, вытер рукавом непрошено капнувшія слезинки; свернул в сторону от дороги и нырнул в волну душистых трав...

Было уже около полдня, когда проснулся Ад'ян и, посмотрѣвъ на солнце, тронулся дальше.

В лежашую на его пути калмыцкую станицу он не зашел, стыдась своего пѣшеходства, ибо знал, что пѣшком калмык так далеко не ходит.

К вечеру он свободно добрался до Манычи.

Перейдя казенный мост, в сторонѣ, на берегу рѣки, он увидѣлъ шалаш рыбака и попросился к нему на ночлег. Рыбак оказался старым казаком, у котораго было много друзей калмыков.

Поболтавъ со стариком кой о чем, поужинавъ свѣжими сазанами, Ад'ян лег на сухом чаканѣ возлѣ шалаша. Туча комаров заставила его укрыться с головой старой шинелью рыбака.

Неугомонно кричали ночныя птицы на Манычѣ, да тихо и однообразно пѣли комары.

* * *

Проснулся Ад'ян утром рано.

Чуть розовѣлъ восток, над рѣкой еще был густ утренній бѣлый туман. Гдѣ-то далеко вверху журавли тянули однотонное кру!-кру!-кру!

Старика уже не было в шалашѣ. Он сидѣлъ, сгорбившись, на берегу рѣки у „дремачки“.

Цыбарка возлѣ него была полна чекамасами.

День его, видимо, начался удачно.

Поблагодарив старика за пріют, Ад'ян пошел дальше, по большой пыльной дорогѣ, что подымалась на гору.

Поднявшись на равнину он пошел по дорогѣ на юг, идущей мимо большого темно-зеленаго кургана.

С кургана Ад'ян ясно увидѣлъ красныя и зеленыя крыши строеній экономіи. До нея было еще верст восемь.

Не было еще полдня, когда Ад'ян начал спускаться с послѣдняго бугра к экономіи коннозаводчика. Она стояла на самом берегу заросшаго камышем и чаканом обширнаго пруда с длинной кривою греблей.

По эту сторону пруда был калмыцкій табунщикій хутун из десятка кибиток.

Ад'ян свернул к хутуну и спросил у дѣтей, играющих на дорогѣ в пыли, гдѣ кибитка старшаго табунщика. Ему показали большую сѣрую кибитку в передней линіи хутуна.

* * *

Старшій табунщик Учур, еще крѣпкій, пожилой калмык, только-что, поѣвъ большую чашку мелко крошенной жирной конины, принимался за чай с курагой, когда вошел Ад'ян.

Отвѣтив на робкое привѣтствіе Ад'яна, хозяин указал ему мѣсто на „ширдыкѣ“ пониже себя.

Хозяйка, рослая, смуглолицая женщина в бѣлом култь-халатѣ, поставила перед Ад'яном чашку мяса и кусок чернаго хлѣба.

Проголодавшійся Ад'ян живо принялся за ѣду.

Учур, хозяин кибитки, допил пятый стакан чаю, подождь пока наѣтся Ад'ян и, дав ему время запить мясо шулюном-бульоном, заговорил:

- Ну, сынок, какой ты станицы?
- Багудской.
- А чей ты сын?
- Боргука.
- Боргука Монтанова?
- Да.

— Отца твоего я знал, мы с ним, — да будет он в царствѣ праведных! — служили в Одессѣ в одном полку... — Куда ты путь держишь?

— Я хочу наняться в табунщики; я — одинокій, сирота, — не зная, что говорить, добавил Ад'ян.

— Если хочешь, я тебя устрою у нашего хозяина, ко мнѣ в табун, мнѣ нужен один табунщик, — сказал Учур.

Ад'ян радостно согласился.

— Ну, так ты здѣсь у нас подожди до вечера. Я поѣду в контору и попрошу, чтобы тебя записали и прикажу к вечеру привести тебѣ коня ѣздового, — сказал Учур и, сѣвъ на великолѣпнаго рыжаго коня, поѣхал в экономя.

Вечером один табунщик привел Ад'яну коня с сѣдлом, а старший табунщик вручил ему синенькую наемную книжку, и он стал табунщиком.

В книжкѣ его было написано:

„Ад'ян Монтанов, нанят сроком на год с жалованьем сто пятьдесят рублей в год, без скота“.

Для Ад'яна началась новая жизнь.

Как калмык, от природы способный ко всему, что касается лошадей, Ад'ян скоро усвоил свое дѣло и усердием и трезвостью понравился своему старшему.

* * *

Через мѣсяц послѣ поступления Ад'яна в табунщики, подошел калмыцкій весенній праздник „Урюс“.

В этот день калмыки мѣтят телятам уши, украшают кибитку зеленью, брызгают в знак наступления полного обилья в небо молоком, в хурулах служат молебны, а миряне гуляют.

Не успѣли в хутунѣ старики обойти всѣ кибитки и открыть праздник, как молодые табунщики стали сѣдлать лошадей, чтобы скакать в сосѣдніе хутуны и погулять у чужих.

Выѣхал и Ад'ян. Всѣх с хутуна выѣхало человекъ пятнадцать. Болѣе взрослые, любители выпить, успѣли обойти свой хутун и выпить по чашкѣ крѣпкой весенней раки из каждой кибитки. Молодежь, горяча коней, терпѣливо дожидалась старших. Наконец, всѣ выѣхали и поскакали гурьбой к хутуну сосѣдняго коннозаводчика.

Через полчаса безудержной скачки передне уже были там. Ад'ян скакал в числѣ средних. Лошадь его, хотя и не из рѣзвых, но разгорячившись, несла во всю прыть.

В том хутунѣ, перед одной кибиткой, на бѣлом шитом ширдыкѣ лежал в одном нижнем бѣльѣ пьяный старик.

У головы его сидѣла молодая калмычка, жена младшаго сына, и почтительно искала у свекора в головѣ.

Старик по своему блаженствовал.

— Женил я трех сыновей, сам в свое время был старшим табунщиком у полковника Грузинова, ни разу я не падал с коня неукла, ни разу не промахивался арканом, жена моя не доила меньше десяти коров... вот как, дѣтка, развѣ плохой я старик? — бормотал он, когда, вдруг, наскочил на него на всем скаку Ад'ян, не справившись с тугоуздым конем. Конь прыгнул через старика, но копытом зацѣпил его по рукѣ и разбил ее до крови.

Молодайка завизжала и бросилась в кибитку.

Старик, пошатываясь, встал и стал звать сыновей для расправы с обидчиком.

Хутун всполошился, — разнесся слух, что прѣзжіе давят стариков и дѣтей конем. Мѣстные молодцы живо стали сѣдлать и садиться на коней, чтобы наказать нахальных гостей.

Учув это, гости тоже посадились и выѣхали в сторону от хутуна. Через нѣсколько минут обѣ стороны уже жестоко бились. Бой был старинный, честный, рыцарскій: упавшаго с коня не топтать, кромѣ плети ничего в ход не пускать.

Ад'ян, никогда ничего подобнаго не видѣвший в своей станицѣ, со страхом и удивленіем смотрѣл на этот бой на плетях. Он участия в бою не принимал и стоял с мальчишками своего хутуна в сторонѣ.

Мальчишки подняли его на смѣх, что он восемнадцатилѣтній мужчина не принимает участия в бою и не идет на помощь своим хутунцам, а бой идет только из-за него. Стыдно было Ад'яну от этих насмѣшек, но он не знал, как бить человекъ, когда его никто не трогает.

Обѣ стороны, между тѣм, бились с равным успѣхом. Там и здѣсь попавшіе под ловкіе удары летѣли с коней, но, не обращая вниманія на раны и кровь, снова бросались в гущу, ища соперника по себѣ.

Вдруг мальчишки закричали:

— Смотри-смотри, Ад'ян! Вон нашего Лидже гоняет ихній Сахник. Скачи, Ад'ян, на перерѣз, иначе Сахник наладет Лиджѣ, говорят, что Сахник здорово может бить.

Ад'ян ударил коня и поскакал за Сахником.

Увлечшись преслѣдованіем Лидже, тот не обратил вниманія на новаго противника.

Ад'ян догнал его и изо всей силы ударил плетью по головѣ.

Сахник оглянулся, но продолжал гнаться за Лиджей.

Раздосадованный своим слабым ударом, Ад'ян подскокил еще раз и опять потянул по головѣ Сахника. В ту же секунду Сахник внезапно осадил коня, а не ожидавшій этого Ад'ян проскочил мимо.

• Сахник вмиг даванул коня, догнал Ад'яна и, как будто небрежно, как-то потянув плеть к себѣ в момент удара, огрѣл его по головѣ.

Искры посыпались из глаз Ад'яна, потемнѣло кругом, ноги выскочили из стремян, руки бросили поводя и схватились за луку и гриву коня. Не проскакал его конь и десяток шагов, как Ад'ян свалился на землю. Ему показалось, что он покатился с высокаго и крутого яра...

Очнувшись, он увидѣл, что мальчишки, пославшіе его в бой, окружили и с шутками и смѣхом поднимают его. Голова трещала, кожа и мясо меж бровей, немного повыше глаз, были разсѣчены до костей. По лицу текла кровь, смѣшанная с пылью.

Когда мальчишки перевязали ему платком голову, Ад'ян сѣл на своего коня и больше уже не кидался в бой.

Обѣ стороны, достаточно побившись, наконец, разѣхались. В обѣих партіях было по нѣсколько человекъ с синяками на лбу, с ранами на щеках, с шишками на головах, но всѣ были довольны и веселы. Серьезнѣе всѣх был ранен Ад'ян.

— Ничего, — утѣшали его старшіе, — рана от плети заживает, а от языка никогда... Ты не злись и не думай о мести, кто мстит, тот себѣ шею сломит... А биться надо научиться, иначе какой же ты будешь мужчина. Бой на плетях это — экзамен на всѣ качества, коими должен обладать мужчина — калмык. Умѣнь крѣпко сидѣть на конѣ, умѣло им управлять, ловко нападать и наносить крѣпкіе удары, не давая бить себя, все должно быть проявлено на дѣлѣ в бою на плетях, — поучали они Ад'яна.

(Окончаніе слѣдует).

Иван Колесов.
(Прага).

П ъ с н я.

— Гей, мой конь гнѣдой, быстролетный конь, отзовись, примчись на призывный зов, на призывный зов, на казачій клич! Не пора ли нам, мой сердечный друг, погулять в степи, распотѣшиться, силой с недругом перемѣяться!.

Ты не спи казак, в непогожий день!

Видишь с Сѣвера тучи грозныя на родную степь надвигаются...

Ты сѣдай коня, друга вѣрнаго, шашку дѣдову наточи вострѣй, заряжай ружье пулей мѣткою... Выходи на Грань за Казачью Земь биться с недругом, с супротивником!

То не стая черных воронов по над степью, степью матушкой, черной тучею разстилается, то не вѣтер вѣтер низовый, шелохтит травой, в камышах шуршит...

Нѣт, покойно все... Не шуршит камыш, небо синее в васильках с утра, ночью темною звѣзды свѣтятся...

Отчего же гуд на полуночи с утра яснаго до вечерней тьмы; всю-то ночку, ночку темную; за зарей заря разгорается?

Рать несмѣтная саранчей ползет, кровью алою омывается, дымным заревом одѣвается...

Эх, ты, степь моя, степь казачая, мало-ль видов на своем вѣку ты видала перевидѣла!

Не тобой ли, степь, степь широкая, шла в набѣг орда басурманская?

Полегли костями силы вражія в ковылях легли, упокоились — лишь костяк порой в бурьянѣ блеснет, скаля зубы в небо синее...

Кто-ж теперь тебя на уток берет, кто идет к тебѣ — други-ль недруги?

Эй, Казачество, люди вольные! Гостя жданнаго хлѣбом-солью встрѣть, — а для недруга — пика длинная, шашка острая, самопал-ружье! Скатерть-брашница — степь ковыльная, вмѣсто гуслей — клик орлиный, клик орлиный по поднебесью!

Тот, кто пустил пал на Казачью Степь, тот и недруг твой. а не жданный гость!

Непервой гроза на Казачество со полуночи надвигается...

Ой, хитра Москва, словно лысый черт! Словно старый черт с чертенятами, — изначала в лъстивых грамотах съть плела она хитроумную...

Да казачій ум сам не лыком шит:

На Москву-рѣку слал отписки, а бояр топил во Тихом Дону, иль в Кругу казнил шашкой острою...

Кто пришел на Дон, должен вольность чтить: не артачиться, коли Круг зовет — Кругу вольному низко кланяться, говорить слова не зазорныя...

Ой, хитра Москва, баба старая, — и Донских старшин на посулы, словно мух на мед приманила...

Силу грозную царь Петро собрал, царь Петро послал воевод лихих, словно лютых псов на Казачество, — по запольным рѣкам-рѣчкам все огнем легло от злодѣйских рук!

Вниз по Дону на плотях спустил и замученных и повѣшенных...

За Казачество да за волюшку смѣты нѣт легло удалых голов: не щадили малых дѣточек, не щадили стариков сѣдых, бабам рвали груди бѣлыя...

Кровью тек три дня Славный Тихій Дон.

Гей, старшины! Гей, предатели!

Знать хорошій плат вам Москва дала за Казачество да за вольности? На поправушку на лютую вы борцов за Дон „с Дона выдали“!

Знать хорошій плат!.. Могарыч-то... — кровь казачая.

На майданѣ, на Черкасском, чѣм вам плох был грозный памятник: на копѣ глава Атаманская?

По замученным на Донской Землѣ панихиды пѣл только вихрь степной, только вихрь степной кадил чобором; ночью темною звѣзды свѣчи жгли; за попа был сѣрый волк степной: на курганах вел напѣвы — пѣл напѣвы погребальныя...

Непервой тебѣ, степь ковыльная, бить поклон Москвѣ казаком Донским, головой его разудалою... — Гдѣ казнен, друзья, Атаман Степан?

- Булавин Кондрат от кого погіб?
- Гдѣ Самойло, сын Лаврентьев?
- Гдѣ Чюрносков со товарищи?

Перечестъ ли мнѣ удалцов лихих — вѣтер по степи тризну правит им, да забыло их лишь Казачество!..

И не та-ль пора вновь к тебѣ пришла — степь ковыльная, степь казачая? Снова с Сѣвера тучи грозныя на тебя ли степь надвигаются!

Гей, не спи, казак, в непогожий день!

Ты сѣдлай коня, друга вѣрнаго, шашку дѣдову наточи вострѣй, заряжай ружье пулей мѣткою... Выходи на Грань за Казачью Земь биться с недругом, с супротивником!

21-IX.1927.

Эмиграція казачья и эмиграція русская.

Один из вопросов, в который нужно внести ясность и опредѣленность, есть вопрос взаимоотношений казачьей и русской эмиграции. А чтобы действительно в этом вопросе поставить всѣ точки над *i*, нужно сначала поставить нѣкоторые вопросы, касающіеся состава казачьей и русской эмиграции и задач той и другой ея части, как в настоящем, так и в будущем.

Одна, наиболѣе многочисленная часть русской эмиграции, это — довоенная буржуазія и старое дворянство, как и часть вышедшей из этих рядов интеллигенции. Против буржуазии и землевладѣльческаго дворянства направлена была вся острота социальной революціи, начатой в октябрь 1917 года россійскою коммунистическою партией (тогда еще большевицкою фракціей россійской социал-демократической рабочей партии).

Эта часть нынѣшней русской эмиграции тогда, в началѣ октябрьской революціи, там у себя на родинѣ, не организовала и не оказала никакого сопротивления, уступила большевикам всѣ свои политическія и социальныя позиціи без боя и предпочла бѣжать за границу. — Эта эмиграція и в будущем активно (если не считать слов!) сама борется с большевиками не будет (да и не в состояніи такую борьбу вести, если бы того и хотѣла), хотя, конечно, была бы очень рада, если бы кто-нибудь другой боролся за ея прежнюю Россію.

Другая часть русской эмиграции, гораздо малочисленнѣе первой группы, — это осколки разных старых политических партий, социалистических и буржуазных, которые там оказывали или могли оказывать большевикам только словесное сопротивление. Когда же „дѣло дошло до дѣла“, они не получили реальной помощи и поддержки в массѣ русскаго народа хотя бы в той мѣрѣ, в какой ее получили большевики, и, легко разгромленныя послѣдними, ушли со своими „штабами“ тоже в эмиграцію.

Далеко не одинаково отношеніе разных партий и партийных группировок к вопросу о борьбѣ с Совѣтской властью; острѣе стоит вопрос

о методах и средствах этой борьбы, а еще больше разногласій существует по вопросу о ея конечных цѣлях. В одном отношеніи онѣ, правда, всѣ находятся в одинаковом „исходном“ положеніи: ни одна из партий не имѣет своей реальной силы. Даже тѣ из них, которыя стоят за активную борьбу с большевиками, могли бы вести ее только чужими силами.

Третья часть — это остатки всевозможных „бѣлых“ армій, в том числѣ и наиболѣе многочисленной (в эмиграции, по крайней мѣрѣ) — Добрарміи. Формировались эти арміи там из офицерскаго состава бывших русских армій и небольшой части интеллигентской молодежи. К ним приставали нѣкоторыя, главным образом правыя, русскія политическія партии и группировки. Эти послѣднія дѣлали „политику“ тѣх армій.

Нужно сказать, что из всего многочисленнаго офицерскаго корпуса б. императорской арміи только очень малый процент пошел в „бѣлые“.

Большевицкой „диктатурѣ пролетариата“ бѣлая армія (по существу: частныя военно-политическія организаци) противопоставили свою диктатуру и свои реставраціонныя лозунги, идеологически питавшіеся из стараго программнаго хлама наиболѣе правых старых русских партий.

Всѣ „бѣлые“ борьбу проиграли. Русскій народ не стал на их сторону. Наидольше вела борьбу Добрармія, но и то потому, что сумѣла вести войну кубанскими, донскими и терскими казаками.

Таким образом, русскую часть эмиграции послал в изгнаніе ея собственный народ. Это он дал силу большевицкой Совѣтской власти в ея вооруженной борьбѣ со своими противниками. Сам же русскій народ не дал эмиграции: ни русских рабочих, ни русских крестьян в эмиграции нѣт.

Иное дѣло эмиграція казачья.

Война с большевиками для казачества носила иной характер и имѣла иной смысл, чѣм это

было для разных российских противников Советской власти. Это различие лежит в самой природе нас и их.

В то время как для различных русских антибольшевиков эта борьба была внутренним спором разных партий и группировок за государственную власть и за тот или иной социальный строй, т. е. войной гражданской, для нас эта борьба была войной внешней. Не внутренний спор, не свое домашнее дело рвали казаки с большевиками в течение почти трех лет на полбрани. Это была внешняя оборонительная*) война наших Республик против нападавшего северного государства. Казачество предпочитало самостоятельное государственное существование своих Краев включению их в красное Московское царство.

Таким образом, борясь с Деникиным или Колчаком, Московская советская власть боролась против контр-революции, усмиряла внутренний бунт. Идя же войной на Дон и Кубань (точно так же, как и на Украину, Грузию и др.), та же Москва шла завоевывать эти Земли и народы, провозгласившие уже к тому времени свою государственную самостоятельность („Все великое Войско Донское есть самостоятельное Государство“... так начинается Донская Конституция. „Нынче же Кубанский Край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собою всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением“... — из Конституции Кубанской).

Это в нашу сторону было и есть направлено острое завоевательное, колониальное политическое московских комиссаров.

Войну против большевиков и против тех, кто за ними шел, или кого они против Казачьих Краев воевать посылали, вели не отдельные группы или партии, а все казачество, весь наш народ. Поэтому и эмиграция казачья иная, чем эмиграция русская. Не верхи, стоявшие над народом, не политические сектанты — партийцы, не добровольцы-одиночки, а грубой, болше сильной физической силой побужденная часть вооруженного народа — армии. Не донцы или кубанцы изгоняли кубанцев или донцов. Чужими руками, внешней силой оторвано живое тело от живого тела.

Русская эмиграция — это на 90% люди прошлого**). И идеалы этой эмиграции, несмотря на все их обилие, по существу, тоже в прошлом. Та же борьба за свою власть, за свою старую „Единую и Неделимую“.

Но прошлое не возвращается. И, нравится это кому или не нравится, больно это кому или

*) Не казаки первые начали войну. Лучшее доказательство тому то, что на Кубани, напр! война началась в 8—12 верстах от Екатеринодара, точно так же, как на Дону она завязалась под Новочеркасском.

***) Мы не говорим здесь о той части русской эмиграции, которая сейчас и сама „самоопределяется“ и для России ищет свои собственные пути и дороги. Об этом послѣ.

не больно, но тем, кто правил и владел Россией до революции, вряд ли придется править и властвовать ею в будущем, послѣ большевиков. И сама русская эмиграция начинает (по крайней мере та часть ее, которая еще и не правила и не владела) понимать это и, вместо роли решающей, как это было в первые времена эмиграции, начинает отводить себя в грядущих событиях только роль „подсобную“.

Совершенно иначе стоит вопрос для эмиграции казачьей. Идеалы казачества, как народа, поднимавшего знамя своей свободы, впереди, в будущем.

Не в борьбе за ту или иную Всероссийскую власть, а в борьбе за полное раскрытие своих Земель от этой власти, в восстановлении своей государственности, в защите своего права распоряжаться судьбою и долею своих Краев так, как то будет только ему угодно, — в этом направлении лежат пути казачества. Идеалы его в том будущем, которое несет свободу, равенство и мир для всех народов б. Р. Империи. Казачество не хочет того прошлого, когда один народ господствовал, а другие были у него „служилым сословием“. Не „арендатором“, а полным Хозяином своих Земель хочет быть казачество.

Лучшей иллюстрацией различия между русской и казачьей эмиграциями служит и поведение казаков на чужбине. Казачество не растворилось в русской эмиграции. Несмотря на то, что среди эмигрантского казачества не существует единства взглядов и убеждений, оно везде и всюду организовано в свои хутора и станицы, или другая какая, но свои организации. Не редки весьма характерные случаи, когда даже те, кто мыслят себя Россией — „Единой и Великой, с широким местным земским самоуправлением“, а такие вещи, как „федерация“ или „самостоятельность“ считают „безпочвенными мечтами“ или „пустыми бреднями“, — что даже и они предпочитают стоять в стороне и не связывать себя никакой русской организацией, хотя и имели бы, если бы захотели, полную к тому возможность.

Происходит это потому, что нет у казачества и огромного большинства русской эмиграции одинаковых целей впереди.

Конечно, есть и у нас исключения. Есть и у казаков свои полтора эсера, свои полтора миллионца, каждый из „вождей“ тоже имеет своих полтора казака. Но если принять во внимание то, какую громадную энергию затрачивала и затрачивает каждая русская эмигрантская группировка, чтобы залучить в свой политический лагерь большее или меньшее количество казаков, то результаты ни в коем разе нельзя считать блестящими.

Тем болше это верно относительно эмигрантской казачьей массы. Она так и осталась в большинстве вне „сферы“ идеологического влияния русской эмиграции.

Мы не говорим, что в средѣ казачьей эмиграции все уже так хорошо и „благополучно“. Мы несколько не намѣрены преуменьшать тѣ разногласія, и серьезныя разногласія, какія существу-

ют по многим вопросам у самих казаков, между собою. Что же касается нас, то, несмотря на всѣ разногласія, мы думаем, что пришла пора говорить казакам с казаками.

Ис. Быкадоров.

Происхождение казачества и возникновение Вольных казачьих Войск.

(Продолжение)*

Приведенная нами ранѣе картина образования Русскаго (Кіевскаго) государства вырисовывается при изученіи арабских и византийских исторических источников и археологических памятников, но она ни в какой мѣрѣ по существу не находится в противорѣчии и с Русской начальной лѣтописью. Необходим лишь критическій подход к ней, принятіе во вниманіе тѣх основных идей, через которыя претворились и освѣтились у автора начальной лѣтописи историческія событія: возникновенія и образования Кіевскаго (Русскаго) государства.

Начальная лѣтопись составлялась в самом концѣ XI в., т. е. спустя 200-250 лѣтъ послѣ первоначальных событій в Кіевском государствѣ. Ко времени составленія ея под влияніем византийских идей и вообще знакомства с византийской и римской исторіей, сложилась княжеско-монастырская идеологія о происхожденіи княжеской власти, государства и т. д. Выразителем этих идей и проводником их в русской мѣрѣ и являлся іеромонах Кіевскаго монастыря преп. Нестор.

Основными идеями, вложенными пр. Нестором в свой труд, начальную лѣтопись, являются: 1) законность княжеской власти и благо ея для народа (в Новгородской землѣ — установленіе порядка, в Кіевѣ — освобожденіе его от дани хозарам); 2) благородство происхожденія династии Рюрика от римскаго императора Юлія Цезаря; 3) происхожденіе славян из рода Іафета; 4) важность династии Рюрика, объединившей всѣх восточных славян под названіем Руси.

Надо принять еще во вниманіе, что пр. Нестор для составленія начальной лѣтописи располагал лишь устными преданіями, и письменными документами мог пользоваться лишь за послѣднее столѣтіе, т. е. с того времени, как на Руси появилась письменность. Названіе Русь, русский стало в то время уже общим государственно-политическим достояніем, и для лѣтописца было вообще трудным разобраться в исторической обстановкѣ образованія Русскаго (Кіевскаго) государства и, в частности, в происхожденіи названія Русь.

При влияніи же на автора лѣтописи княжеско-монастырской идеологіи, возможно и обязательности ея, для Нестора дать иное, дѣйствительное освѣщеніе историческим событіям представлялось невозможным. Фактическая же сторона их достаточно совпадает с историческим освѣщеніем византийских и арабских писателей той эпохи.

Начальная лѣтопись являлась официальным трудом, принятым великокняжеской династіей, поэтому она, получив широкое распространеніе, сопровождала появленіе великокняжеской власти во всѣх мѣстах, между прочим и на сѣверо-востокѣ, гдѣ продолжалась уже в видѣ мѣстной лѣтописи.

Названіе, если и не самаго многочисленнаго, славянскаго племени — Руси (руссов), но зато игравшаго главную роль в образованіи государства, стало общим государственно-политическим названіем, дало имя и самому государству — имя Русскаго. Названіе другого славянскаго племени — словен (ильменских или новгородских) стало общим этническим (народовым) названіем, видоизмѣнившись из словен — в славян.

*) См. № 1 журнала.

* * *

Вліяніе и воздѣйствіе тюрских народов на славяно-русов и вообще славян, и сложеніе единого міра из двух міров — славянскаго и тюрскаго — продолжалось и послѣ образованія Русскаго государства.

Мы укажем лишь на рѣзкія явленія, главным образом, физическаго порядка. При князьях кіевских Святославѣ и сынѣ его Владимірѣ, послѣ разгрома Хозарской имперіи (в результатѣ походов их на юго-восток), произошло переселеніе на южную окраину Русскаго (Кіевскаго) государства (по обѣ стороны р. Днѣпра в Кіевскую и Черниговскую области) цѣлых групп различных тюрских народов с Предкавказья: чигов, казахов (касагов). Осѣданіе тюрских народов: торков, печенѣгов (отдѣльных групп их) продолжалось до самого конца XIII в. Послѣ татарскаго нашествія (в началѣ XIV в.) осѣла и значительная группа половцев.

Эти воинственные народы были необходимы Русскому государству для защиты его окраин, как конное войско (главнѣйшее в то время), нужны были и для участія во внѣшних войнах.

Эти народности, носившія общее названіе черных клобуков — по внѣшнему своему признаку (черным барашковым шапкам), имѣли и другія названія: черкасов и чигов; могли носить названіе и касагов; эти три названія были, по существу, тождественными. Сначала это были отдѣльныя народности, имѣвшія свое устройство, управленіе, быт, язык, но, мало-по-малу, онѣ совершенно слились с поднѣпровским славянским населеніем, приняли христіанство, славянскій язык и т. д., и все населеніе поднѣпровья вполнѣдствіи приняло названіе черкасов. До татарскаго нашествія они играли очень большую роль в жизни Русскаго (Кіевскаго) государства и были промежуточной средой для пріобщенія к послѣднему половцев.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что тюрскій элемент сыграл очень видную роль в сложеніи украинскаго народа, подобно тому, как большую роль сыграли на сѣверо-востокѣ финскія племена, а вполнѣдствіи и татары, в образованіи великорусскаго народа*).

Тюрская народность повліяла на сложеніе особых черт украинскаго народа вообще, и особенно в Поднѣпровьѣ — черкасов, и прежде всего: воинственности, способности к организаци, настойчивости, энергіи и т. д.

Славянскія идеи — народоправство, свобода были сущностью и тюрских народов; смѣшеніе с тюрками славян Поднѣпровья дало вполнѣдствіи украинцам (черкасам в особенности) мощь и энергію в отстаиваніи этих идей и форм своего бытія, основанных на этих идеях.

Черкасы Поднѣпровья были наслѣдниками славяно-русскаго и тюрскаго духа. Они положили начало казачеству. Таким образом украинское казачество образовалось из сложенія физическаго и духовнаго двух міров: славяно-русскаго и тюрскаго.

*) Тюрскіе народы принадлежат к кавказской (европейской) расѣ, финскія же племена к монгольской; таким образом великорусскій народ образовался из народов двух рас: кавказской (славяне) и монгольской (финны, татары).

Ко времени татарского нашествия, уже достаточно слившись с русско-славянским населением, Черкасы в Русском (Киевском) государстве являлись тогда военно-служилым сословием. Таким образом, мы видим, что еще до татарского нашествия казачество существовало на Поднѣпровьѣ в видѣ черкасов. Носило ли оно название касогов (казаков) или нѣтъ — не является существенным.

Под тѣм или иным господством татар Украина, послѣ разрушенія Киевскаго (Русскаго) государства, была всего около 80 л. (1240—1320); влияние и воздействие их не было значительным. Украина освободилась от владычества татар при помощи сосѣдей, главным образом Литвы, и вошла в состав ея и частью в состав Польши, а послѣ соединенія их в одно государство Польско-Литовское, в состав послѣдняго.

Таким образом, в то время как Русь Сѣверо-Восточная почти до конца XV в. (1480) находилась под влиянием и воздействием татар, Русь Юго-Западная (Украина) находилась под влиянием и воздействием Польско-Литовскаго государства; воздействие на первую шло из Азии, на вторую — из Западной Европы (через Польшу, Литву, а еще ранѣе Венгрію и Чехію).

С начала XVI в., когда на Украинѣ началось возрожденіе украинскаго народа, черкасы, принимавшіе участие в войнах Польско-Литовскаго государства, составлявшіе часть „русскаго рыцарства“, не потерявшіе ни своего характера, ни своих основ бытія — народоправства и свободы, не потерявшіе преемства в ратном дѣлѣ, эти черкасы послужили основой, базой для украинскаго народа в борьбѣ его за свою религію, за свою національность. Из черкасов Поднѣпровья родилось украинское казачество: Вольное Запорожское войско и Днѣпровское реестровое казачество.

Днѣпровскіе черкасы же явились, как увидим ниже, и одним из главных элементов, из которых образовано Донское низовое Войско.

* * *

Тмутараканское княжество, образовавшееся из Руси Приазовской, соединенное в одно цѣлое Владимиром Св. в Русском государствѣ, просуществовало около 100 л., было оторвано от послѣдняго во второй половинѣ XI в. вторженіем половцев и образованіем ими в низовьях Дона и Сѣверск. Донца ядра Половецкаго ханства.

Но послѣ того как в русских лѣтописях прекращаются упоминанія о Тмутараканском княжествѣ, начинаются упоминанія о народѣ - бродниках. Бродники являлись славяно-русским населеніем бывшаго Тмутараканскаго княжества.

Под давленіем половцев — с одной стороны, византийцев — с другой, они постепенно передвинулись с Азовскаго побережья и низовьев Дона с Сѣв. Донца в бассейн Средняго Дона.

Населеніе городов бывшаго Тмутараканскаго княжества, получивших при половцах новыя названія: Осенев, Чешлюев, Сугров, Балин, Шарукань (Саркел?), Орн (Руссія или Артана) и Ахас имѣли смѣшанное населеніе (преимущественно христіанское): из славяно-руссов, алан и черкасов прикавказских (касогов).

Но главное ядро славяно-руссов обитало уже по среднему Дону и низовьям лѣвых притоков его — между Волгой и Доном. Здѣсь, в одной из областей бродников, в Черленом Яру были у них города.

Бродники являлись воинственным организованным народом, они были не только извѣстны (Brodnic) венгерскому королю и папѣ римскому по походам своим вмѣстѣ с половцами на Запад, но представляли для них и большой интерес.

Дружины бродников, в видѣ союзнаго или наемнаго войска, принимали участие в междоусобных войнах на Руси на сторонѣ княжеств Сѣверо-Восточной Руси.

Бродники имѣли свое государственное устройство и управленіе, но были, вѣроятно, в вассальной зависимости от Половецкаго ханства, или постоянными вынужденными союзниками его.

Один из западно-европейских путешественников — Рубруквис, посѣтившій Подонье уже по установленіи

татарскаго владычества на Востокѣ Европы, говорит, что из смѣшенія русских (славяно-руссов) с аланами, под которыми он разумѣл и собственно алан и тюркскаго происхожденія народы Предкавказья — (черкасов) казахов, чигов и папагов, произошел особый воинственный народ. Этот народ и положил начало Юго-восточному казачеству. Вполнѣ очевидно, что смѣшеніе, замѣненное Рубруквисом, должно было начаться значительно ранѣе, еще при половцах. Оно было сильнѣе там, гдѣ было большее территориальное смѣшеніе: в низовьях Дона.

Во время перваго нашествия татар (1223), войско бродников под предводительством воеводы Плоскини, оказавшись в битвѣ на Калкѣ на сторонѣ татар, было противником войска князей Юго-Западной Руси.

Причиной этого было то, что татары предлагали русским мир и союз против половцев, а русскіе князья, умертвив послов, оказались союзниками половцев (постоянных своих врагов). Союз с татарским войском для бродников представлялся случаем для избавленія от всякой зависимости от половцев и даже опаснаго сосѣдства с ними.

Таким образом, ко времени татарскаго владычества держава Владимира Святого окончательно раздѣлилась и имѣла различныя судьбы: Русь Юго-Западная (Киевская) была под воздействием и влиянием западноевропейскаго міра, Русь Сѣверо-Восточная (Московская), возникшая из колоніи Русскаго государства, т. е. Руси Киевской, была под влиянием финскаго (монгольскаго) міра. Из смѣшенія славянскаго и финскаго населенія лѣвной полосы и образовался великорусскій народ.

Броднической народ (бывшая Приазовская Русь) был под влиянием тюркскаго міра и представлял из себя Русь Юго-Восточную — родоначальника Юго-Восточнаго Вольнаго Казачества. Русь Юго-Восточная имѣла отличную историческую судьбу от Руси первой и второй.

Ни послѣ перваго нашествия татар (1223), ни послѣ втораго (1239—1440) бродники не были ими уничтожены, как и другіе народы Востока Европы; даже половцы не подверглись уничтоженію*). Конечно, каждый народ подвергся большому или меньшему разгрому.

Существованіе Золотой Орды основывалось на вооруженной силѣ и принятой государственной системѣ. Монголы на Востокѣ Европы ничего создать не могли, а лишь использовали, приспособили к себѣ существующее.

Государственная жизнь в Зап. Европѣ в то время складывалась уже в раздѣленіи населенія государств на сословія и классы, как составные элементы государственной жизни и развитія.

У самих татар этого не было — это был кочевой народ. Но покоренные народы Востока Европы они обратили в служебное положеніе сословій и классов. Княжества Сѣв.-Вост. Руси, с земледѣльческим населеніем, являлись источником матеріальных средств — являлись хозяйственной базой для Золотой Орды.

Поэтому в интересах своих же татары предоставляли им прежнее устройство, управленіе, свободу религіи и т. д.

В военном отношеніи Сѣверо-Восточная Русь не представляла интереса для татар — народ ея не отличался воинственными качествами: народно-хозяйственный быт ея не способствовал выработкѣ, подготовкѣ и существованію коннаго войска. Поэтому войско (как правило) Сѣв.-Вост. Руси не участвовало в походах монголов, — в нем для них не было необходимости: оно стояло слишком на низком уровнѣ и по качеству матеріала и по отсутствію надлежащей военной системы, и по отсутствію условий, необходимых для созданія хорошаго войска.

Такое положеніе населенія Сѣверо-Восточной Руси могло бы казаться блѣдным, раз государствам (княже-

*) Половецкій народ раздѣлился: часть ушла в Венгрію, часть за Днѣпр и смѣшалась с черкасами Поднѣпровья и вообще украинцами, часть смѣшалась с татарами, часть сохранилась и донынѣ в видѣ особаго народа — кумыков.

ствам) ея ханами Зол. Орды оставлено было прежнее устройство, управление, возможности развития. В действительности же княжеская власть получила опору в татарах, послѣдние были всегда на сторонѣ власти, но не народа. Постепенно были вытравлены при помощи татарских погромов всѣ качества славян, а прежде всего основы народоправства.

Сельское население было закрѣпощено дворянско-помѣщичьему сословию; на половину пополненное татарскими выходцами, само дворянское сословіе совершенно измѣнило идеологическій, моральный и психологическій свой облик, а затѣм и всего населения.

Татары дали основные элементы Московской государственности: самодержавіе, централизм, крѣпостничество.

Владычество татар над Сѣверо-Восточной Русью закончилось образованием из населения ея великоруссов. В то же время историческія условия образовали из населения Юго-Западной Руси (украинцев) и Руси Юго-Восточной (казаков) отличные от великоруссов по духовному содержанию народы. Послѣдние два народа явились носителями и выразителями идей и устремлений славянских и тюрских, Русь Сѣверо-Восточная (Московская) стала наслѣдницей и выразительницей идей монгольских.

Роль и значение военных сословій в системѣ Золотой Орды стали играть народы, изстари отличавшіеся воинственностью, военной преемственностью, приспособленным к тому, народно-хозяйственным бытом. Черемисы, мордва, как природные охотники и пѣшеходы, поставляли пѣхоту, чуваша, как опытные судоходы, обслуживали р. Волгу.

Остатки камских болгар, бухарцы, хивинцы и пр. играли роль торговаго сословія и класса.

Воинственные народы предкавказья: аланы поставляли конное войско (улан), преимущественно тяжело вооруженное; в дальнѣйшем уланы (аланы) послужили для образования военно-административнаго аппарата, дав свое названіе и особому чиновному классу людей. Тюркскіе народы Предкавказья: казахи (касаги), папаги, чиги (общее названіе которыхъ — черкасы и казаки) представляли легкое конное войско.

Каждый из этих народов, для осуществления своей государственной службы Золотой Ордѣ, сохранял свое собственное управление, устройство и народно-хозяйственную дѣятельность; средства для поставки войска черпал в самом себѣ, поэтому народ был свободен от дани (податей). В цѣлом, каждый из этих народов был военно-служилым сословіем, но во внутреннем своем устройствѣ был в общем свободным и в самом себѣ равноправным. И здѣсь власть, базируясь на татарскую силу, из выборной обращалась в наслѣдственную, но процесс этот проходил очень медленно.

Касаги были типом войска и нормой и формой бытія такого народа в государственной системѣ того времени. Таким образом, слово казак — происхождения тюрскаго; оно произошло от слова касаг, от названія народа.

Слова: улан и казак оба происхождения европейскаго, в Азіи ни этого названія, ни этого типа воина и войска (уланскаго и казацкаго) у монголов не было.

Бродницкій народ в государственной системѣ Золотой Орды принял значеніе и роль казачества. Бродники усвоили названіе казаков, как народное (этническое) имя видимо потому, что названіе бродников утеряло смысл, а названіе русских было слишком общим; возможно, что прилив черкасской (казахской) крови также способствовал усвоенію и названія.

Для христіанскаго бродницкаго населенія в 1261 г., т. е. спустя 20 лѣтъ послѣ установленія татарскаго владычества, была установлена Подонская (или Сарайская, Сарская) епархія. Епископ ея жил в г. Сарай, ханской резиденціи (на рукавѣ Волги Ахтубѣ, в 60—70 в. к востоку от теперешняго Царяцына). Установленіе епархія зависѣло от константинопольскаго патріарха, но для этого требовалось прежде всего согласіе от хана Золотой Орды. Возможно, что от него исходила и сама мысль об образованіи отдѣльной епархія для Подон-

скаго населенія. Епископія в высшем церковно-каноническом управленіи была подчинена митрополиту Московскому. Фактически епархія просуществовала до 1380 г., т. е. до Куликовской битвы.

Положеніе населенія Подонской епархія, которое ко времени нашествія Мамая на Сѣверо-Восточную Русь (1380) уже называлось донскими казаками (о чем свидѣлствуют историческіе документы), было особым. Подонское казачество, как и всѣ княжества Сѣверо-Восточной Руси, входило в состав (в систему) Золотой Орды, но, в то время как положеніе первых было податное, положеніе Подонскаго казачества было военно-служилое. Оно имѣло свою власть, свое внутреннее устройство и управление, свою народно-хозяйственную дѣятельность и быт. Отличіе его от другого казачества (черкасов прикавказских) зависѣло от особенности положенія территории Подонских казаков.

Татарскія орды осѣли к востоку от нижней Волги и к югу от нижняго Дона — р. Дон представляла естественное прикрытіе как со стороны сильных в то время Литвы и Польши, так и со стороны Сѣверо-Восточной Руси.

Р. Дон представляла изстари важный естественный торговый путь; торговля по нему и Волгѣ шла и при татарах. Волго-Донская переправа служила узлом путей и прикрытіем с запада и сѣверо-запада татарских орд вообще и столицы ханской г. Сарая.

На населеніе Подонской епархія — Подонское казачество и выпала роль выполнения заслона, прикрытія. И во время татарскаго владычества существовала область Черленый Яр с городами. Города, игравшіе роль крѣпостей, и караулы Подонских казаков, были расположены по Дону и его притокам — Хопру, Вел. Воронѣ и другим. Между этими городами и караулами и окрестностями Сѣверо-Восточной Руси и Руси Юго-Западной существовало громадное пустое неоселенное пространство.

Но эту главную роль — заслона, пограничнаго войска, Подонскому казачеству не пришлось строго выполнять. Русь Сѣв.-Восточная была слишком слаба, чтобы отважиться в то время на поход против татар, а Литва, кромѣ того, и удалена. Во всяком случаѣ исторія не знает совершенно о таких походах.

Фактически на Подонское казачество падала роль охраненія переправ, бродов, торговых судов, караванов, почтовая служба и т. д.

Поселенія Подонских казаков распространялись и на низовья Дона и Сѣвернаго Донца.

Можно полагать с полной достовѣрностью, что Подонское населеніе и само участвовало в торговлѣ, и надо думать, что земледѣліе, если и существовало, то не было главным занятіем, большее значеніе имѣли рыболовство, звѣроловство, разные промыслы.

Обособленіе Подонскаго казачества от татар, должно было выявиться особенно послѣ принятія послѣдними ислама и проявившейся послѣ того религіозной нетерпимости к христіанским народам.

Во второй половинѣ XIV в., могущество Золотой Орды начало по разным причинам расшатываться. Борьба за ханскій престол приводила к междоусобным вооруженным столкновеніям. Казачество подонское, по своему государственно-служебному положенію, втягивалось в борьбу. Сначала на сторонѣ „законной власти“, а затѣм побѣдителя. Сами татары научили казаков не только не бояться и не уважать себя, но и хорошо бить.

Главная скрѣпка Подонскаго казачества с Золотой Ордой — ханская власть — теряла свою силу и свой престиж.

С другой стороны, связь с Русью Сѣверо-Восточной (через епископа подчиненіе митрополиту Московскому) безусловно выходила из предѣлов узко-церковных. Связью были общая письменность и церковный славянскій язык.

Таким образом, слагались с одной стороны предпосылки для отрыва от татар, а с другой для богаго тѣснаго общенія с Русью Сѣверо-Восточной, с Русью же

Юго-Западной, с которой Подонское казачество болѣе тѣсно было связано в прошлом, произошел разрыв, вслѣдствіе выхода из состава Золотой Орды и той части ея (Лѣвобережная Украина), которая раньше в Орду входила, а потом вошла в состав Литвы.

Подонское казачество не утерало своих воинственных качеств; участвуя же в походах монголов, оно мно-

гое позаимствовало из военной системы их и устройства; но в других отношеніях, вліяніе монгольскаго чуждаго міра не было велико на Подонских казаков.

Мір Юго-Восточной Руси, сложившійся из міров руссо-славянскаго и тюрскаго, мір христіанскій и мір монгольскій-магометанскій были чуждыми и враждебными, в основѣ противоположными друг другу.

(Продолженіе в слѣд. номерѣ).

О. Долинскій.

По поводу большевицкой диктатуры.

(Неюбилейная вариация на юбилейную тему).

Почему-же большевицкой диктатуры, а не диктатуры пролетаріата? — может спросит читатель. Большевики вѣдь все время твердят о диктатурѣ пролетаріата. Но это, очевидно, только по недоразумѣнію. Во первых потому, что на территории С.С.С.Р. пролетаріат количественно настолько слаб, что не может быть и рѣчи об его классовой диктатурѣ. Его политическая роль там — в будущем. А во вторых, потому, что большевики сознательно отождествили пролетаріат с коммунистической партией, почему и политическій режим их, поскольку он является диктатурой, в дѣйствительности может называться — диктатурой большевицкой, т. е. коммунистической партіи. А на самом дѣлѣ, это даже не диктатура партіи, а ея олигархическая карриатура, т. е. диктатура правительственнаго центра или попросту — московскаго Кремля.

Какіе же политическіе итоги десятилѣтней дѣятельности этой своеобразной каррикатурной диктатуры?

Математически выражаясь, они меньше нуля, т. е. во всяком случаѣ представляют отрицательную величину. Дѣло в том, что большевицкая политическая и социальная работа по существу и в первую очередь была сознательно разрушительная. Свой новый мір — коммунистическаго социализма — они хотѣли создать на развалинах уничтоженнаго капиталистическаго свѣта. Поэтому им нужно было дотла разрушить все прошлое. Очистить мѣсто для новаго политическаго и социальнаго зодчества.

В этом отношеніи большевики были фанатическими поклонниками извѣстнаго своеобразно-революціоннаго девиза: „Дух разрушающій — дух созидаящій“. Они не поняли, что этот весьма заманчивый и крылатый лозунг по своей сути космическаго или геологическаго характера. Он правилен по отношенію к процессам, совершающимся на протяженіи тысяч и миллионов лѣт. Он примѣним по отношенію к міровой эволюціи. Им можно пользоваться для объясненія исторіи земли, гдѣ даже землетрясенія или вулканическія изверженія являются в нѣкотором родѣ творческими факторами. Но этот девиз почти непримѣним или, в лучшем случаѣ, может имѣть только метафорическое значеніе в вопросах общественнаго развитія и социальнаго творчества.

Но большевики и в области социологіи пользовались им буквально. Они разрушали сознательно и вистину мастерски. В этом отношеніи нельзя не признать за ними даже нѣкоторой степени гениальности. Если теоретически предположить, что они просуществуют сто лѣт, и что разрушительная энергія их сохранит интенсивность, ритм и темп перваго 10-тія, то не подлежит сомнѣнію, что за это время С. С. С. Р. будет превращен в социальную Сахару.

Но к счастью и наиболѣе сумасбродная теорія разбиваются о непреодолимую скалу желѣзной логики жизни, которая с легкой ироніею обходит хитросплетенія человѣческаго ума, всегда находя вѣрный путь вперед даже из наиболѣе хаотических и, казалось-бы, безвыходных положеній...

Большевики были непоправимыми утопистами. Но, увь, их утопизм не был никогда творческим и всегда отличался абсолютным непониманіем дѣйствительности и полной слѣпотой по отношенію к будущему.

Большевики всегда ошибались в своих прогнозах. Они вѣрили и жаждали всемірной социальной революціи и поэтому упорно предсказывали ея неизбѣжное пришествіе. На этом был построен весь их политическій план будущаго новаго міра. Капитализм должен был погибнуть в міровом пожарѣ пролетарской и социальной революціи. А на слѣдующій день послѣ нея, точно феникс из пепла, должен был воспрянуть новый коммунистическій мір освобожденнаго человечества? нѣтъ — освобожденнаго „пролетаріата“, ибо упрощенная социологія большевиков реально признает только — пролетаріат, а все остальное вынесено ими за скобки контр-революціи и поэтому считается несуществующим.

Надо отдать им справедливость: во время военнаго коммунизма и даже позже, — большевицкая Че-ка с канибальским энтузіазмом старалась этот „контр-революціонный“ элемент дѣйствительно перевести на положеніе несуществующаго, т. е. попросту уничтожить его физически. В этом отношеніи, без сомнѣнія, красный террор большевицкой Москвы побил всѣ историческіе рекорды массоваго уничтоженія мнимых и дѣйствительных врагов коммунистическаго режима.

Большевики были максималистами. Они хотѣли достигнуть сразу всего. Они любили большіе масштабы. Все у них планировалось в міровом или планетарном размѣрѣ. Но как раз из всѣх методов работы — максимальный менѣ всего примѣним в реальной политикѣ. Очень легко хотѣть многое или даже все, ибо это позволяет на самом дѣлѣ не дѣлать ничего позитивнаго и не считаться с настоящими возможностями неумолимой дѣйствительности.

Вот почему всѣ политическіе расчеты большевиков оказались неправильными и грубо ошибочными. Их социальный прогноз — фантастическим и утопическим. Европейскій капитализм — не развалился по предсказаніям большевицких астрологов, но оправился и даже приноровился к новым условіям существованія послѣвоеннаго періода. Міровая революція не состоялась и безнадежно запоздала. Повидимому, Москвѣ болше не приходится считаться с нею реально и придется пойти в капиталистическую Каноссу, чтобы на время продлить свое прозябаніе и свою очевидную агонию.

Их вѣра в чудотворную силу революціи тоже не оправдалась. Считаая себя единственными носителями революціоннаго движенія и единственными предтечами настоящаго социализма, — в дѣйствительности они были их могильщиками, безразсудно и без видимой необходимости сорвав восточно-европейскую революцію своим октябрьским переворотом, открывшим настеж двери міровой реакціи.

Наибольшим парадоксом большевизма, быть может, является как раз тот факт, что желая быть глашатаями революціоннаго перерожденія міра, они в дѣй-

ствительности стали пособниками международной реакции и фактическими врагами демократии и конструктивного социализма.

Без октябрьского переворота, без бѣлой горячки военного коммунизма, без провокационных происков III-го Интернационала, — послѣвоенная Европа скорѣе бы стала на путь мирного развития, была-б болѣе доступна для социалистического реформизма, чѣм теперь, когда под угрозой большевицкаго разрушенія, — она покрылась многочисленными очагами политической и социальной реакции.

Итальянскій фашизм, испанская диктатура, реакционный режим Хорти в Венгрии, періодическія спазмы реакции в Австріи, политическіе перебои в Германіи, бѣлый режим в Литвѣ, и т. д. — все это грѣхи и прегрѣшенія на совѣсти III-го Интернационала и совѣтскаго правительства.

Это, быть может, наиболѣе ужасный из политических итогов десятилѣтняго господства краснаго московскаго Кремля.

И, наконец, еще одно обстоятельство, весьма характерное для политическаго творчества большевиков. В чем, собственно, состоит их политическая работа? Они так любят упрекать европейскій парламентаризм и демократію, — по их мнѣнію никуда негодная уже орудія политическаго творчества, в том, что вся их дѣятельность сводится, собственно говоря, к бесполезной или безвредной болтовнѣ. Парламенты это, мол, какія-то ненужныя говорильни и больше ничего. Допустим, что это так. Но большевикам-ли упрекать в этом грѣхъ злосчастную бужуазную Европу? Существует-ли в мірѣ страна или государство, гдѣ бы правительственная и политическая работа сводилась так к безконечным засѣданіям, конференціям, конгрессам, писанію километровых резолюцій и особенно к преніям во истину в планетарном масштабѣ, как в современной Совдепій?

Возьмите для примѣра отчеты о послѣдних засѣданіях X-го Всеукраинскаго Сѣзда КП(Б)У или XV-го конгресса коммунистической партіи в Москвѣ. Передо мною номера „Украинскаго Экономиста“ с полными стенографическими отчетами об этих как раз сѣздах. Ужасают и поражают рѣчи докладчиков, продолжающіяся по нѣсколько часов, и отчеты о них, которые печатаются в нѣскольких номерах, занимая площадь в нѣсколько квадратных метров.

Напримѣр, рѣчь Когановича, который предупреждает, что не будет говорить так долго, как Кемаль-паша, произнесшій в Ангорском парламентѣ рѣчь, продолжавшуюся 36 часов, и все таки генеральный секретарь большевицкой партіи Украины умудряется наговорить

три полуномера „Украинскаго Экономиста“. Немного меньше занимает рѣчь Чубаря и не меньше, пожалуй, рѣчь Рыкова, одна резолюція по поводу которой потребовала три столбца этой газеты, в общем 336 строк, или болѣе полупечатнаго листа.

Но может быть так много и долго говорить нужно, ибо вопросы, которые рѣшаются, весьма серьезные и к тому же трактуются, конечно, в мировом масштабѣ?

К сожалѣнію, именно большевицкое краснорѣчіе по заслугам приходится назвать пустопорожней болтовней. Ораторы повторяются, обо всем говорят широко и пространно, но ужасно водянисто. Дѣловаго и фактическаго в их рѣчах мало: преобладает элемент фантастическій или в лучшем случаѣ желательный.

Для примѣра, конец рѣчи Когановича:

„Мы сумѣли выбраться из болота и объединить всю пролетарскую армію под знаменем стальной (почему же не прямо — сталинской? — О. Д.) ленинской партіи. Мы сумѣли выбраться из этого болота, поставили себѣ задачей забраться на высочайшую гору, чтобы на этой горѣ построить огромное пролетарское зданіе, которое освѣщало бы путь к освобожденію угнетенных всего свѣта, которое обновило бы всю жизнь на новых великих коммунистических основах. Мы пошли вперед“... и т. д..

А вот финальная фраза из той же рѣчи:

„Эта армія медленно, но упорно, настойчиво, непобѣдимо двигается вперед до той верхушки горы, на которой мы построим крѣпость всемірнаго коммунизма.“ (Долгіе бурные аплодисменты).

Но напрашивается вопрос: что бы получилось, если бы всю эту большевицкую печатную и устную болтовню за 10 лѣт существованія совѣтскаго режима пропустить, напримѣр, через гидравлическій пресс усовершенствованнаго современнаго типа? Сказать, что он выжал бы из этой бумажной и словесной пирамиды 99% химически болѣе или менѣе чистой воды, может быть было бы оскорбительно для воды. И развѣ не было бы болѣе правильным сказать, что и здѣсь результат большевицкой работы в математической формулировкѣ — тоже меньше нуля, т. е. дает отрицательную величину.

Вот почему подводя политическіе итоги большевицкой диктатуры на протяжении десяти лѣт, можно придти только к пессимистическому выводу, что с точки зрѣнія общественнаго прогресса — это время потерянное, что послѣ большевиков исторіи придется начинать сызнова свое творческое дѣло там, гдѣ партійный фашизм ударнаго коммунизма преступно сорвал его десять лѣт тому назад.

■■■■■■■■■■

М. Фролов.

О восточно-европейском.

Восток Европы.

Это — по жалостливому опредѣленію русскаго поэта — „то, что прежде Россіюшкой звалось“.

Эта — та Имперія Россійская, которая — кто с удивленіем не вспомнит упрямаго факта? — так подлинно-безкровно, с такой изумительной молніеносностью, при молчаніи всѣх монархических кириллов и николаев, в февральскіе дни семнадцатаго года отошла в небытіе. Стала маленьким „б“: бывшая.

Это — Россійская Республика, та „керенка“, которая родилась немочной, чахой, не жильцом на этом свѣтѣ, отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть.

А потом — опять-таки по выраженію русскаго поэта — „сорвалась с узды расхлябанная Русь, взревѣла, закружилась в пьяных хоровах“... Под аккомпанимент пулеметов, на тронѣ Петра Великаго возсѣл самодержавнѣйшій Ленин. Началось насильственное установленіе социалистическаго рая: Восток Европы запольхал небывалым пожаром...

На протяжении вѣков желѣзом и кровью державшіеся в послушаніи царскому престолу народы отказали в повиновеніи „расхлябанной Руси“. Финляндія, Естонія,

Латвія, Литва, Бѣлоруссія, Украина, Крым, Дон, Кубань, Терек, Народы Кавказа, Грузія — с оружіем в руках возстали во имя преодоленія рабства, во имя утвержденія своей воли к государственной независимости.

Тщетно ожидало кресло в Версалѣ единую „Россіюшку“. Ея не было: великая цѣль разорвалась.

На грани Восточной и Средней Европы возстал к жизни ряд новых государств. И хотя свобода других глашатаями самоопредѣленія, руками обольщеннаго великорусскаго народа, была потоплена в морѣ крови, и стѣнкой и бичами „вольной“ создан „социалистическій союз республик“, — упорная борьба народов за отдѣленіе от Россіи сдѣлала свое: „русскій вопрос“ стал лишь частью восточно-европейской проблемы.

Вот эта идея многонароднаго и многогосударственнаго Востока Европы, замѣнившая пресловутую „Единую-Недѣлимую“, является едва ли не самой ненавистной для русскаго эмиграціи, горшей, чѣм даже кровавая деспотія большевиков.

И достаточно, чтобы была сдѣлана какая-либо попытка разрѣшенія этой проблемы, как сейчас же рус-

ский шовинизм строит в одну шеренгу социалистического Керенского, республиканско-демократического Милокова, монархическое „Возрождение“ и бросает их в атаку на нарушителей единства „державы российской“.

Неприменно так произойти и с „Социалистической Лигой Нового Востока“, в которой — страшно сказать! — в ряду „измѣнщиков“ оказались русские социалисты (В. Чернов. В. Гуревич и др.).

II

Проект программы этой Лиги, веделѣчивый, обильно пересыпанный жемчугом социалистического словотворчества, и не менѣ пышный ея манифест, дѣйствительно, напоминают прекраснаго „журавля в небѣ“. Достаточно сказать, что Восток Европы — лишь ступень для „прыжка в человѣчество“. Но, повидимому, говоря об Азербейджанѣ, социалисты не могут не затронуть проблемы всего земного шара.

Дѣло, однако, не в этом, а в тѣх отдѣльных утверждениях и положениях, которые поучительны для каждаго казака и особенно могут быть полезны для противников Вольнаго Казачества.

Прежде всего группа русских социалистов-революционеров устами своего коллеги В. Гуревича нашла мужество заявить, что, по существу, никакой-такой единой Россіи не существует.

„Нас упрекают в том, что мы, члены Лиги Народов Востока — расчленители Россіи... Это — неправда. Процесс расчленения Россіи зашел так далеко, что, вѣдь, „Единой, недѣлимой Россіи“ все равно уже не существует: Россія уже расчленена ходом исторических событий. Всѣ свѣдѣнія, которыя мы получали оттуда, говорят о раздѣльности существованія народов и о психологии сепаратизма, а никак не единства“.

„Большевики дѣйствуют точь в точь так же, как дѣйствовала павшая Имперія; коммунистической скрѣпой, т. е. насиліем, они удерживают народы в состояніи мнимаго единства. Но эта желѣзная скрѣпа уже трещит. Ясно, что когда она треснет совѣм, прежде всего обнаружится, так же, как в 1917 г., расхождение по линии национальной. И в упор встанет вопрос: мир или война между народами Востока Европы?“

Отстаивая, конечно, мирное разрѣшеніе вопроса, В. Гуревич дает хорошій урок русской демократіи:

„Мы должны быть послѣдовательны в принципѣ: самоопредѣленіе в плоть до отдѣленія.. Если тот или иной народ находит для себя выгодным не союз, а раздѣльность, — да будет так... Реставраторство, великодержавіе, — старья привычки к господству, — вот что заставляет людей возставать против принципа полного самоопредѣленія национальностей, — в плоть до отдѣленія“*).

С. Ф. Лантух.

Чешская Маффія.

(Из исторіи чехословацкаго освобожденія 1914—1918 гг.)

2. „Омладина“.

(Продолженіе)**)

В чешском прогрессивном движеніи 90-х годов большую роль играла т. наз. „Омладина“ — „передовой сторож духа революціи“, как воспѣвали себя ея участники в пѣснях. В дѣйствительности это движеніе было увертюрой к чешскому народному отпору, хотя и относилось к временам немного отдаленным.

Возникло оно в средѣ чешской студенческой молодежи. Начало ему положил д-р Ант. Гайн, один из его идейных вождей, с д-ром Алоисом Рашиным и др. (1886 г.)

*) Выдержки взяты из отчета Е. Кусковой в „Днях“ (№ 1243). Курсив ея же.

***) См. № 1 журнала.

Политическим идеалом Лиги и является вольный (надгосударственный) союз независимых республик Востока Европы, но Лига допускает возможность и полного отдѣленія государства, не желающаго пребывать в этом союзѣ.

III.

Проект Лиги оказался отличной лакмусовой бумажкой для опредѣленія отношенія русской эмиграціи к вопросу самоопредѣленія народов.

Б. главковерх А. Керенскій „великодержавно“ положил на проектѣ своих однопартійцев резолюцію: „Не отвѣчает національным интересам Россіи“.

Народно-социалистическій „знарок“ національнаго вопроса Востока Европы, проф. В. Мякотин нашел, что „лѣвизна проекта лѣвѣе здраваго смысла“ („Д.“ № 1241). **Enfant terrible** русской эмиграціи, Е. Кускова подошла к вопросу с забавной „гармошечной“ аргументаціей: „Когда так говорят, — народы Востока, — (новое наименование Россіи) то мерещится Китай, Индія, шаманы, Янг-Тсей-Кiang, а не Россія, не Волга, не русскій крестьянин с его русской пѣсней и гармоникой“... („Д.“ № 1243).

Суров оказался приговор и такого „послѣдовательнаго демократа и перманентнаго эволюціониста“, как П. Милоков: весь труд Лиги он окрестил „блудословіем“ („П. Н.“ № 2461).

Но, само собой разумѣется, пальма первенства в этом улюлюканьѣ осталась за „Возрожденіем“. Патентованный казакоѣд, „украиножер“, полонофоб и лимитрофоненавистник — А. Яблоновскій (и подумать только, сколько желчи надо человѣку для доброй половины Востока Европы!) особенно взвѣлся на своих компатріоты: он просто взывает к большевицкой расправѣ **à la Желѣзняк**...

„Будем надѣяться, что в нужную минуту придет еще один Желѣзняк и опять „низведет“ г. Чернова с предсѣдательскаго кресла „восточной Лиги“. („В.“ № 901).

Впрочем, помимо Желѣзняка, А. Яблоновскій имѣет и другую „положительную“ программу устроения Востока Европы.

Раздосадованный тѣм, что и такой почтенный „революціонер“, как В. Бурцев, в бесѣдѣ с польскими журналистами указал, что русская демократія признает за всѣми народами право на самоопредѣленіе, поклонник Желѣзняка „категорически“ заявляет:

„Конечно, этого никогда не будет. На всѣ вопросы... можно отвѣтить словами одного солдата: — Россія поступит по усмотрѣнію дѣлов“...

Итак, да здравствует Желѣзняк, солдат и „усмотрѣніе дѣлов“! В шею Черновых и Бурцевых с их „самоопредѣленіями“!

— Бѣдная эмиграція!..

дольф Мрва *), который добровольно выдал полиции главарей движения. Имя его и до сего дня стало нарицательным именем для всякого подлога человека и всякой подлости. 12-го сент. 1893 г. в Прагѣ было объявлено чрезвычайное положение, а в вечер Сочельника предатель был найден заколотым под своей рождественской елочкой. Он был убит Добежалом и Драгоуном, бывшими его сотоварищами по „Омладинѣ“.

21-го февраля 1894 г. чрезвычайный суд вынес свой приговор над 76, большей частью молодыми людьми, обвиненными в государственной изменѣ, тайном сообществѣ, оскорблении императора и царствующаго дома и т. д. и т. п.

Разгром „Омладины“ привел к тому, что движение расплылось и упало, но дух его продолжал жить, перенесенный членами „Омладины“ в новые, болѣе сильные группировки и партии, главным образом в прогрессивныя и социалистическія.

Со временем традиции прогрессивнаго движения и „Омладины“ стали забываться, среди социалистов даже встрѣчали отрицательное отношеніе — так измѣнялось время и люди.

Цѣлый ряд ея членов занял значительное положеніе в чешской общественной и политической жизни, войдя в состав чешскаго Сейма и имперскаго парламента, ставши во главѣ партийнаго водительства и принимая участие в чешской политической печати. Они продолжали быть носителями идеи чешской самостоятельности, возлагая надежду на ближайшій военный конфликт **).

Сараевское покушеніе дало новый импульс замирающим идеям, а начавшіяся репрессіи вызвали, по праву, дѣйствіе равно противодѣйствію, необходимость соответственнаго отпора. Из него и создалась Чешская Маффія — тайное сообщество, в котором видную и руководящую роль начали играть члены бывшей „Омладины“.

3. Начало конспиративной работы.

Была объявлена война.

С объявленіем войны, в Прагѣ стала „политическая пустыня“; вся дѣятельность политических партий и отдѣльных лиц была полупарализована. Народ, а в особенности интеллигенція, были долго воспитываемы в австрійском духѣ, т. е. в том смыслѣ, что Австрія для чехов — необходимость и защита в нѣмецком морѣ; можно было предполагать, что найдутся люди и даже между политическими вождями, которые выступят убѣжденно и рѣшительно на сторонѣ Австріи.

В первое время Вѣны могла быть спокойной — мобилизація шла лучше, чѣм можно было ожидать.

В это же время один из консулов держав Согласія, покидая Прагу, сокрушенно взывал: „Не уничтожен ни один мост, ни один тоннель!“ ***)

Но все же находились люди, а между ними и проф. Масарик, которые вѣрили, что чувство и убѣжденія большинства народа были антиавстрійскими, — намеки на это были и в отдѣльных случаях показывались.

Мѣстом сходов и встрѣч людей, интересовавшихся военными слухами, была набер. р. Влтавы в г. Прагѣ; там циркулировали всевозможныя извѣстія, там же встрѣчались люди, желавшіе подѣлиться ими; туда же приходили и тѣ, кто близко стоял к дѣлу освобожденія или по чешски „одбоя“.

Мѣстами разговоров и дебатов также служили и обыкновенныя еженедѣльныя сходы многочисленных кружков, групп и партий, в своих излюбленных кафе и гостиницах. Там незамѣтно подготовлялась организація Маффіи.

Однимъ из мѣст, гдѣ сходились первые заговорщики, было кафе „Париж“. В нем собирался кружок пріятелей, организовавшійся из младшей генераціи государствен-

но-правовой прогрессивной партии. Кружок этот объединялся вокруг двух партийных журналов.

В средѣ кружка, уже с самаго начала войны, интенсивно ощущалась необходимость для чешскаго дѣла заграничной работы. Задачу эту разрѣшили там не только теоретически, но и практически. Там с воодушевленіем привѣтствовали рѣшеніе д-ра Льва Спхравы, по собственному почину, отправиться в Швейцарію, для пропаганды против Австріи.

Там же устроили его отъѣзд.

Это был вообще первый чех, который уже в началѣ сентября 1914 г. отъѣзжал за границу с умыслом работать политически для дѣла чешской самостоятельности.

План заграничной работы с расчетами на паденіе Австріи тогда казался фантастическим и в благопріятно настроенных к чехам странах.

Независимо от этого кружка, думал свою думу и строил планы освобожденія почтенный уже лѣтами философ, профессор Т. Г. Масарик.

Скоро настроеніе чехов вообще начало мѣняться. Чешскіе солдаты, покидая Прагу, проявляли уже антиавстрійскій образ мыслей. Это навело на мысль, тогда члена австрійскаго парламента, проф. Масарика, бывшаго идейным руководителем наслѣдства „Омладины“, приступить к дѣлу. Он видѣл, что солдат, котораго Масарик всегда поддерживал в антиавстрійском и славянском духѣ, самостоятельно дѣйствует. Масарик начал разговоры с другими парламентаріями, с Швиглой, потом с д-ром Странским (старшим), Калиной, Клофачем, д-ром Гайным, д-ром Соукупом. Большинство членов политических партий было уже антиавстрійскаго образа мыслей.

Посвященным было видно, что Масарик готовится къ тяжелой и почетной роли, которую позже он с успѣхом провел.

Полиція в началѣ его не подозрѣвала, Масарик был осторожен и руководствовался правилом: дѣлать возможно больше самому, а людям говорить возможно меньше.

Он рѣшил и окончательно: оппозиція против Австріи должна была стать дѣйствительною, на жизнь и на смерть. Вопрос был лишь о тактикѣ; дома не только вооруженная революція, но даже и никакая существенная оппозиція не были возможны. По обстановкѣ необходимо было отправиться за границу и там организовать отпор против Австріи.

С первым душечным выстрѣлом по Бѣлграду, д-р Бенеш, ставшій вскорѣ вождем Маффіи и правой рукой Масарика тоже рѣшил взяться за революціонную работу.

Д-р Бенеш познакомился с проф. Масариком, принялъ участие в его газетѣ и в сзываемых им сходах нѣкоторых его пріятелей прогрессистов, которые потом и создали Маффію.

Первоначально сходы производились в квартирѣ д-ра Боучка и на них, кромѣ хозяина и проф. Масарика, присутствовали еще д-р Гербен, Кирилл Душек, Шамал, Е. Бенеш, Веселый, Дубскій и инж. Пфефферман. Там впервые Масарик изложил свои взгляды, указал на необходимость активной работы и начал знакомить собравшихся с матеріалами, добытыми им секретным порядком из Вѣны.

На послѣдующих сходах у Масарика уже были документы и копии рапортов пражскаго намѣстника центральному правительству, а затѣм информаціонный матеріал самаго секретнаго характера. Он имѣл копии переписок министров между собою, донесеніе ставки, рапорты Главнокомандующаго и т. п. По ним можно было судить о политических и военных планах Вѣны.

Этот матеріал получали Масарик и Махар, через г. Кованду, камердинера у министра внутренних дѣл Гейнольда, но об источникѣ их полученія они не говорили никому даже на сходах.

*) A. Zieglosová. Omladina. Ml. Boleslav 1924

**) J. Veselý. 2 boů za svobodu. Prah 1923.

***) V. Dyk. Vzpomínky a komentáže. I, st. 331.

Кованда ночью выбирал из портфеля министра документы, приносимые им домой для изучения и ознакомления, перепечатывал их на машинкѣ и передавал служившему тогда в Вѣнѣ Махару.

К послѣднему за документами прѣзжал из Праги сам Масарик, а послѣ, когда он сошелся ближе с Бенешем, то посылал и его.

В половинѣ сентября Масарик воспользовался случаем проводить свою американскую золвку в Роттер-

дам; там снесся с Англїей и по дорогѣ присмотрѣлся к настроеніям в Голландіи и Германіи.

В Чехіи настроенія прояснились, укрѣплялась антиавстрийская идея и шло только о том, как создать организацию и что дѣлать.

Масарик через ротмистра Гоппе, из Пражскаго корпуснаго управления, имѣл свѣдѣнія о настроеніях в войсках и администраціи.

(Продолженіе в слѣд. номерѣ).

Свой.

Международная жизнь

Литва и Польша. Большевики в Женевѣ и в Китаѣ. Сахалин.

Послѣдняя сессія Верховнаго Совѣта Лиги Націй прошла под знаком польско-литовскаго примиренія. Тренія между Польшею и Литвою — давняго происхожденія, и главным их пунктом служил вопрос о городѣ Вильнѣ и Виленском округѣ. Вначалѣ из за этой территоріи спорило трое: Литва, Польша и Бѣлоруссія, и всѣ онѣ имѣли за собою тѣ или иныя права. Бѣлоруссы требовали Вильно с округом себѣ, так как вся территорія, если не считать самого города Вильны, заселена в значительной части бѣлоруссами; поляки основывали свое право на том, что большинство жителей города Вильны — польское, и что в округѣ царит издавна польская культура; литовцы требовали Вильно с округом себѣ потому, что это исконный литовскій край, а Вильно — историческая столица бывшаго Литовскаго государства. Когда выпала из спора Бѣлоруссія, осталась двое, Вильно досталось болѣе сильной соперницѣ — Польшѣ, но Литва не прекращала своих притязаній, и для того, чтобы это манифестировать, осталась с Польшею на „положеніи войны“. Так дѣло и стояло свыше четырех лѣтъ, начиная с 1923 года. Не помогло даже и рѣшеніе наивысшаго тогда интернаціональнаго учрежденія — Конференціи антантских послов, к которой обратилась Литва, и которая присудила Вильно Польшѣ. Литва продолжала „воевать“ с Польшей. Никакой войны в дѣйствительности не было, но была герметически закрыта польско-литовская граница, прекращен транзит, экономическія отношенія, даже обмѣн телеграфной и почтовой корреспонденціей. От этого тяжело страдало виленское населеніе, но особенно трудно приходилось Литвѣ, два морских порта которой остались без всякаго подвоза с континента. Гораздо большее, однако, значеніе имѣли политическіе международные интересы, связанные с польско-литовским спором. И Польша и Литва принадлежат к государствам Балтійскаго бассейна, среди которых давно уже возникло стремленіе образовать режіональный блок государств, как единое средство защиты от опасности, грозящей им непрерывно от восточнаго их сосѣда. Главным препятствіем к созданію этого блока и была „война“ между Польшею и Литвою. К тому же этим положеніем непрерывно пользовалась большевицкая дипломатія, угрожая Европѣ тѣм, что Литва сыграет на Балтійкѣ ту самую роль, которая вначалѣ великой войны выпала на долю Сербіи на Балканах. Усилія великих держав и умѣренность Польши привели к тому, что спор, если не окончательно ликвидирован, то во всяком случаѣ смягченъ его опасные моменты. Состояніе „войны“ между Польшею и Литвою отнынѣ прекращено и возстанавляются экономическія, почтовые и иныя отношенія между двумя державами. Всѣ остальные вопросы будут урегулированы непосредственными переговорами заинтересованных сторон при посредничествѣ Франціи. Таким образом, из рук большевиков вырвано еще одно орудіе возможных интриг, и стабилизациія Европы пододвинулась к самым границам СССР.

В концѣ прошлаго мѣсяца состоялись в Женевѣ при Лигѣ Націй засѣданія Комиссіи по разоруженію, в которой приняли участіе и большевики, хотя им никто и не посылал спеціального приглашенія. Свое участіе в

Комиссіи они использовали двояко: публично — для прочтенія разсчитанной на демагогію деклараціи о так называемом „интегральном“ разоруженіи, а за кулисами — для свиданій с представителями великих держав с цѣлью возстановить свое подорванное в Европѣ дипломатическое положеніе. Ни та, ни другая цѣль не была достигнута. Декларациія их была осмѣяна, а визиты к Бриану, и особенно — к Чемберлену не дали положительных результатов. С тѣм большевики и уѣхали из Женевы. Через двѣ недѣли послѣ этого оказалось, однако, что поѣздка в Европу была только, так сказать, диверсія, имѣющая цѣлью прикрыть военныя дѣйствія, начатыя болшевиками все в том же Китаѣ, который уже один раз выскользнул было из совѣтских рук.

В то время как Литвинов ораторствовал в Женевѣ, в Кантонѣ высланный им спеціальный агент тов. Ковшик, вмѣстѣ с мѣстным генеральным совѣтским консулом и цѣлым штатом московских коммунистов, готовил новую кровавую баню китайским и иным „буржуям“. Возстаніе, подготовленное в Кантонѣ москowitzкими дипломатами имѣло цѣлью „физическое истребленіе всѣх землевладѣльцев и капиталистов“. И дѣйствительно, когда коммунисты неожиданным нападеніем овладѣли миллионною столицей южнаго Китая, первым их дѣлом было рубить головы всѣм захваченным „буржуям“. В Москвѣ пришли в восхищеніе от такого поведенія тов. Ковшика и тов. генеральнаго консула. В восторженной рѣчи на патійном совѣщаніи тов. Бухарин сообщил, что за один день в Нанкинѣ отрублено 400—500 голов, не считая голов полицейских, военных и т. д. Товарищи-слушатели кричали: „Мало! Мало!“

Торжество длилось не долго. Китайскій генерал Чан-Кай-Шек, когда то друг Москвы, выслал в Кантон войска, которыя в упорном бою раздавили коммунистов и русских и китайских. Они жестоко расправились и с тѣми и с другими, слѣдуя точному примѣру тов. Бухарина и его слушателей. Водили русских большевиков с плакатами по улицам, били, разстрѣливали, рубили им головы. Цѣлыя улицы были устланы трупами, конечно, главным образом, китайцев, оболыщенных совѣтскими агентами. Но физической расправой правительством южнаго Китая не удовлетворилось. Слѣдуя примѣру правителя сѣвернаго Китая, оно закрыло всѣ совѣтскія дипломатическія, торговыя и даже банковыя учрежденія и выслало их персонал из предѣлов Китаѣ, очистивши таким образом территорію от большевицкой заразы. Большевицкій министр иностранных дѣл тов. Чичерин протестовал против этого особой нотой, на которую не получил отвѣта. Так закончилась „китайская акціія“ СССР; на этот раз, как кажется, надолго.

Нуждаясь в деньгах, большевики начали с Японіей переговоры о продажѣ им русской части острова Сахалина, и японцы, как сообщают англійскія газеты, не прочь принять эту сдѣлку, надѣясь найти там нефтяныя мѣсторожденія. Торговля территоріями давным давно уже вышла из европейскаго оборота, но большевики ссылаются на то, что царскій режим тоже не брезгал подобными сдѣлками, продавши в свое время

Аляску Сѣверо-Американским Штатам за пустяковую цѣну. Сколько запрашивают Совѣты и сколько дает Японія, пока неизвѣстно, но как бы ни закончилась эта торговля, она будет выгодною только для Японіи. Эту выгоду даст ей не проблематическая нефть, а тот

факт, что, продавши свою часть Сахалина, Россійское государство, даже и сохранивши за собою Владивосток, фактически перестает быть тихоокеанским государством. За это стоит заплатить нѣкоторое количество денег.

Казачья эмиграція.

Казакі в Бразиліи.

(Из писем).

Разбросала нас судьба по цѣлому свѣту. Было бы интересно, и не только для нас самих, собирать как можно болѣе полныя свѣдѣнія о том, гдѣ и как живет наша казачья эмиграція, что дѣлает и как к ней относятся тот или иной чужой народ.

Один из казаков (кубанец), врач д-р Б., в началѣ этого года пустился в далекое плаваніе (в прямом и переносном смыслѣ) — в Бразилію. Сначала устроился было в приморском городѣ **Porto Alegre**, нанял квартиру, в долг купил обстановку и хотѣл практиковать. Что было дальше, — видно из слѣдующих отрывков из его послѣдних двух писем к своему брату „в Европу“.

— „... Писал тебѣ, как устроился в **Porto Alegre**. Теперь напишу, как я выбрался из того очень невыгоднаго для меня положенія, в котором я очутился здѣсь. Выбираться же мнѣ пришлось отсюда по той простой причинѣ, что не было денег платить долги, а также и на жизнь. В **Porto Alegre** можно бы было хорошо зарабатывать, если бы можно было выдержать нѣсколько мѣсяцев со своими деньгами, не рассчитывая на заработок, котораго сначала ни у кого из врачей не бывает. Нужно сначала завоевать довѣріе публики. У меня же денег не было. Нужно было все дѣлать в долг. Но долги надо платить. Прошло 2 мѣсяца, а я смог погасить только долг за 1 мѣс. Нужно было что-то предпринимать... Состояніе мое в это время было отвратительное, главное потому, что я сдуру заложил было свой диплом. Ходил послѣднее время, как в воду опущенный... Недѣли двѣ уже не обѣдал. И вот в это время получаю письмо от одного старосты итальянской колоніи с предложеніем открыть у них маленькую больницу и аптеку. За это предложеніе я ухватился, как голодная собака за кость. Поѣхал туда посмотрѣть.

Мѣста чудныя: горы, лѣса, большая рѣка, много винограду, садов, в общем мѣстность напоминает наш милый Кавказ. Даже климат такой почти, как на Кавказѣ. Одно плохо: много, во первых, змѣй, всѣ онѣ почти ядовитыя, особенно „крестовыя“, которыя никогда не убѣгают, а, наоборот, сами нападают, во вторых — много больных проказой. Но это еще ничего. Бѣда в том, что и тут опять нужны были деньги. Должен был поворачивать не солоно хлебавши. Но все же условилась, что окончательный отвѣт с их стороны и с моей будет дан 1 августа.

Ѣхал я „домой“ и думаю тяжкую думал; даже маленькой надежды на полученіе каких-либо денег я не имѣл. В поѣздѣ познакомился с одним итальянцем. Знакомству этому я не придавал сначала никакого значенія. О дѣлах, меня волнующих, ни слова не сказали, говорили о всяких пустяках, о мѣстной жизни, обычаях и пр. Мѣстные жители здѣсь вообще охотно рассказывают о своих „нравах“, что очень хорошо, так как, не зная мѣстной жизни, ея мелочей, можно нѣрѣдко попасть в неприятное положеніе... Мой новый знакомый пришел ко мнѣ в гости в **Porto Alegre** и прямо спросил меня, почему я медлю принять мѣсто в колоніи. Я сказал ему правду. Посидѣл он у меня с полчаса и ушел и привел старосту той колоніи и еще одного мѣстнаго врача. Когда они узнали, что я не имѣю денег и что уѣхать с **Porto Alegre** не могу, пока

не заплачу свои долги, этот врач мнѣ предложил работать вмѣстѣ с ним в той колоніи. Оборудование больницы и аптеки он берет на себя и покупает у меня мой кабинет, чѣм дает возможность вылѣзти мнѣ из долгов.

Дѣло сдѣлано. Подписали контракт, получил я сейчас же деньги, заплатил долги, получил опять диплом на руки и хожу теперь гоголем, обѣдаю и ужинаю...

... Я уже на новом мѣстѣ. Забрался в такую глушь, что трудно и представить. Почта сюда ходит один раз в недѣлю да и то с „оказіей“. Населеніе, как уже писал тебѣ, итальянское, но есть много и черных. Живу я у доктора, жена у котораго есть смѣсь: начало — итальянец с негритянкой, во втором поколѣніи — результат этой смѣси с индианкой, а потом эта новая смѣсь — с бразильянцем. Сам доктор — бразилец. Собственно он не доктор. Он не только университет, но вряд-ли и начальную школу видѣл. Здѣсь каждый, кто захочет, может быть доктором, инженером и всѣм чѣм угодно. Никто здѣсь не сирашивает дипломов; да вряд-ли и понимают, что такое диплом. Народ здѣсь страшно некультурный. Жизнь самая примитивная и довольно дикая. Всѣ споры рѣшаются или калибром револьвера или длиною ножа...

... Имѣю уже собственнаго довольно приличнаго коня, без котораго здѣсь жить нельзя...

... Я здѣсь не имѣю абсолютно никаких свѣдѣній о том, что дѣлается „в свѣтѣ“. Совсѣм отрѣзан от міра...

... В этой глуши, несмотря на дикость обычаев и дикость самих людей, привыкли лечиться и заработок приличный. Сейчас очень занят оборудованием госпиталя и аптеки. Думаю, что дѣла пойдут прилично. Еще госпиталь не готов, а уже имѣем пациентов, большей частью хирургическіе случаи. Мнѣ придется работать почти исключительно по хирургіи...

... Писал уже вам, что перебрался на новое мѣсто (т. е. в итальянскую колонію, о которой была рѣчь выше). Попал в такую глушь и дичь, что вы там навѣрное и представить себѣ не сможете. Думал вначалѣ, что привыкну и будет хорошо, но теперь начинаю опасаться, что привыкнуть здѣсь никогда не смогу. Смогу, пожалуй, выдержать нѣкоторое время, чтобы подработать денег и перебраться в болѣе культурное мѣсто... Одно здѣсь хорошо: это климат и природа. Сейчас здѣсь весна, все цвѣтет, много зелени. Лѣса хороши... В этих лѣсах живут колонисты, большей частью итальянцы, потом негры и немного прирученных индѣйцев. Называются эти колонисты кобоулярами, т. е. мѣстными жителями. Очень интересный народ. Много между ними таких, которые почти совсѣм не умѣют говорить, но всѣ очень религіозны, почти фанатики. Занимаются винодѣліем, сѣют кукурузу и немного хлеба. Почти всѣ богатые, но живут наипрIMITивнѣйшим образом. Семьи очень многочисленны, дѣти считаются десятками. Женятся и замуж выходят 14—16 лѣт. Дѣлается это для того, чтобы имѣть как можно больше рабочих рук...

... Если у тебя есть какія-нибудь книги для чтенія, ради Бога пошли их мнѣ — от скуки и тоски можно сойти с ума...

В Р.С.Ф.С.Р.

15-й съезд В.К.П. — Очередная „чистка“.

19 декабря закончился 15-й съезд В. коммунистической партии.

Съезд исключил из партии 75 главарей оппозиции т. наз. „троцкистов“ (сам Троцкий и Зиновьев исключены раньше). Среди них: Каменев, Раковский, Смилга, Смирнов, Пятаков, Лашевич, Муралов, Евдокимов и др. Далѣе, исключены еще 23 члена группы Сапронова.

Съезд уполномочил Ц. К. воздействовать всѣми идеологическими средствами на менѣ видную оппозиционную „братію“, чтобы вернуть ее на „путь истины“. „Неисправимых“ же „вычищать“ дальше.

Еще перед закрытіем съезда среди исключенной оппозиции произошел раскол. Часть ея, во главѣ с Каменевым, Зиновьевым и Евдокимовым уже капитулировала. Троцкисты упорствуют. „Покаявшіеся“ пока отвергнуты.

Сталин снова избран „генеральным“ секретарем к. партии.

Таким образом сталинцы одержали полную побѣду. Но единства партии уже нѣт и не будет; распри продолжается.

Нѣкоторые итоги.

Во время празднованія десятилѣтія „октября“, сами большевицкія газеты допустили нѣкоторые любопытныя признанія. Так, напр., число безработных в

одних только больших промышленных центрах поднялось с 848.000 в 1925 г. до 1.750.000 в 1927 г. Констатируется далѣе страшное обнищаніе населенія и связанный с ним упадок покупательной способности. Крестьянин, напр., по сравненію с 1913 г. сейчас покупает всего 63% мануфактуры, 54% кожи, 32% сахара, 57% стеклянных издѣлій. Больше купить не в состояніи.

В 1913 году крестьянство потребляло 64% всѣх фабрично-заводских издѣлій, произведенных в Россіи. Сейчас может купить их всего 38%. В довершеніе всего — огромная дороговизна. Напр., цѣны на мировом рынкѣ 1 января 1927 г. были на 60%, а 1 июня 1927 г. на 63% ниже, чѣм в Совдепѣ.

По признанію совѣтских же газет, в Р.С.Ф.С.Р. есть сейчас 7 миллионов безпріютных дѣтей.

Тоже юбилей.

18 декабря исполнилось 10 лѣт кровавой чрезвычайкѣ — нынѣ Г.П.У. Как и полагается, вездѣ — в Москвѣ, Ленинградѣ, Харьковѣ, Киевѣ и др. городах — состоялись соотвѣтствующіе смотры войскам. Не обошлось и без подношеній „героям — труженникам Г.П.У.“. Наибольше ревностные „служаки“ получили награды.

— Мы смѣем скромно думать, что настоящая награда этим „труженникам“ еще впереди.

На Украинѣ.

Новый украинскій митрополит. Большевицкая мимикрія.

Первый митрополит Киевскій и всея Украины Василь Липківскій, усиліями и трудами котораго встала и укрѣпилась на Украинѣ православная автокефальная церковь, ушел на покой. На его мѣсто вторым всеукраинским церковным съездом, в состав котораго входили многочисленныя представители духовенства и мірян, избран, с благословеніем и с согласія уходящаго, епископ Микола Борецкій. Новый украинскій митрополит вступил в исполненіе своих обязанностей.

Совѣтская пресса послѣдних дней пестрит замѣтками про новые методы борьбы большевиков за Украину. Тѣснимые національным движеніем изнутри и „империалистическими“ угрозами извнѣ, совѣтскіе люди на Украинѣ, как кажется, рѣшили стать большими украинцами, чѣм сами украинцы. Заговорил по-украински сам тов. Рыков, — второе лицо по должности во всем СССР, — прибывшій в Харьков на помощь мѣстным коммунистам; стал украинцем и тов. Каганович, секретарь украинской коммунистической партии, говорившій до послѣдняго времени исключительно по-русски или, в рѣдких случаях, на жаргонѣ. Украинскою стала вся мѣстная коммунистическая „головка“, как Петровскій, Чубарь и т. д., не говоря уже о людях, что и раньше не были чужды украинства, как Мануильскій, Шумскій и пр. Украинское вліяніе перекинулось даже в Москву — в Совѣт національностей, который, по предложенію тов. Буценка, постановил считать русских на Украинѣ таким же національным меньшинством, как нѣмцы, болгары, евреи и пр.

Мимикрія, эпидемически распространяющаяся между большевиками, принимает самыя различныя формы. Без сомнѣнія, тов. Каганович, загрированный под украинца, вызывает презрительную улыбку, но, например, тов. Рыков, этот современный „московскій дьяк“, привѣтствующій „черкасским“ манером украинцев, вы-

зывает и другія чувства. Ибо этот московскій товарищ не ограничился внѣшним употребленіем украинскаго языка, — он пытается усвоить и украинскій дух; он рѣзко и отчетливо заговорил о „самом вредном“ из національных уклоненій, о русском „великодержавном шовинизмѣ“. Очевидно, трудно стало „московским дьякам“ среди „черкасов“, раз они вынуждены уже говорить и о таких предметах. Слова тов. Рыкова свидѣтельствуют о наличности украинской опасности, но он молчит о том, кто является носителем этой опасности, и откуда она может придти. За него говорит об этом тов. Мануильскій: носитель опасности — „куркуль“, т. е. по большевицкой терминологіи, всякій не окончательнo обнищавшій крестьянин, а придет она „національными дверьми“.

Поэтому коммунисты и пытаются загородить эту „дверь“ своими тѣлами, хотя бы при этом и пришлось поступиться временно и частью своей планетарной объединительной программы, ведущей к Интернаціоналу через Москву. Рыков и Мануильскій излагали в своих рѣчах вопросы внутренніе, Каганович остановился на иностранной политикѣ. По мысли большевиков, и в этой области их положеніе настолько тягостное, что им ничего не остается дѣлать, как украинизироваться. Каганович говорил о том, что, мол, западныя государства пришли к выводу о необходимости освободить Украину, которая „будто-бы находится в угнетеніи“. „Органы буржуазной и социал-демократической прессы Германіи, Франціи, Чехословакии и особенно Польши, как утверждает тов. Каганович, усиленно обсуждают украинскую проблему и перспективы украинской независимости“. Западные империалисты, по его словам, рѣшили оторвать Украину от Москвы, и „под знаменем „освобожденія“, под знаменем „независимости“ взять ее в свои руки“. „Совѣтскую власть на Украинѣ западныя государства считают весьма слабою, и там ее, по их мысли, легко сбросить“. вмѣсто совѣтов,

„они хотят поставить „петлюровщину“, или какое ни- будь иное мелко-буржуазное правительство“. Главным зачинщиком, по мнению Когановича, является, конечно, Англия, которая видит в независимой Украине „вспомо- гательное оружие“ в своей неминущей борьбе с Мос- ковою. Такая свѣдѣнія сообщил по-украински тов. Кога-

нович своим слушателям на коммунистическом съѣздѣ, а через газеты — и всей Украины, в надеждѣ вызвать сочувствіе к советской власти и отвращеніе к западной Европѣ. Есть все основанія думать, что он вызвал прямо противоположныя чувства у украинскаго насе- ления.

—ОБ.

В Казачьих Землях.

Б. Носенко.

Сельское хозяйство на Кубани при большевиках.

Извѣстно, что большевѣцкіе публицисты не ску- пятся на бодрыя слова, когда пишут о советских до- стиженіях. Но эта бодрость проявляется обыкновенно у особ высокопоставленных на партійной лѣстницѣ и особенно у тѣх, кто не исполняет каких-нибудь адми- нистративных функций. Тѣ же, кто, помимо функций партійных, несет на себѣ еще и бремя „государствен- ных“ работ, тѣ повѣствуют о достижениях скромнѣе, ибо дѣйствительность, с которой они соприкасаются через мѣсячныя или годовыя отчетности своих учреж- деній, охлаждает их коммунистическую пыть. Когда же дѣйствительность слишком сурова к их „достиже- ниям“, они ей противопоставляют свою пустую фразео- логию и... подлинныя цифры.

В екатеринодарской газетѣ „Красное Знамя“

(№№ 253, 258 и др.) помѣщено нѣсколько статей окруж- ного агронома г. Яроцкаго под общим заглавіем „Сель- ское хозяйство на Кубани к 10-лѣтію октября“. На первый взгляд статьи производят впечатлѣніе полной объективности, так как выводы автора, или, вѣрнѣе, язык цифр, им использованных, говорит о печальном положеніи полевого хозяйства как в настоящее время, так и об еще болѣе печальных его перспективах. Но и эта безотрадная картина слишком далека, в сторону выгодную для большевиков, от дѣйствительности.

Говоря о темпѣ и итогах восстановительно-рекон- струкціоннаго періода, г. Яроцкій дает такую картину динамики продукціи и товарности отдѣльных отраслей сельскаго хозяйства по Кубанскому округу:

Валовая продукція сельскаго хозяйства округа в тыс. рубл. по довоенным цѣнам.

	1913 г. %	24/25 г. % к 13 г.	26/27 г. % к 13 г.	27/28 г. % к 13 г.
Полеводство	108.903 — 100	66.385 — 65	91.597 — 84	83.210 — 77
Животноводство	20.607 — 100	13.241 — 64	15.800 — 76,7	16.820 — 84
Виноградарство	3.675 — 100	6.595 — 179	6.078 — 165,4	10.730 — 299
Итого	133.185 — 100	86.221 — 65	113.475 — 85,2	110.760 — 82

Товарность сельскаго хозяйства округа (по довоенным цѣнам).

	1913 г. %	1924/25 г. %	1926/27 г. %	1927/28 г. %
Полеводство	54.459 — 100	24.658 — 45	38.699 — 71,1	33.192 — 61
Животноводство	6.909 — 100	3.615 — 52	5.265 — 76,2	5.676 — 82
Виноградарство	357 — 100	482 — 135	1.743 — 488,2	2.648 — 770
Итого	61.725 — 100	28.755 — 48	45.707 — 74	41.516 — 63

„Сравнивая динамику размѣров валовой и товарной продукціи за послѣдніе годы, мы видим, — говорит г. Яроцкій, — что удѣльный вѣс полеводства постепен- но падает, а за его счет возрастает значеніе других отраслей хозяйства.

Особенно рѣзко бросается в глаза бурный рост продукціи интенсивных отраслей земледѣлія, давших в истекшем году товарной продукціи в 7 с лишним раз больше, чѣм в 1913 году“.

Нам „рѣзко бросается в глаза“ недобросовѣстность автора, г. окружнаго агронома, который аккуратно вписал в рубрики вышеприведенных таблиц годы, руб- ли и %/о, не потрудившись их хотя немножечко про- анализировать, как того требует то обстоятельство, что числа эти имѣют свое начало, так сказать, в двух эпохах.

За контрольныя цифры автор статей взял данныя за 1913 г. Взял он эти данныя, безусловно, из какого-нибудь официальнаго источника, но это сути дѣла не мѣняет, так как данныя эти в 1913 г. не имѣли того значенія, какое им придает автор сейчас и, значит,

контрольным, отправным пунктом, при оперированіи с данными большевѣцкаго періода, онѣ служить не могут. Дѣло в том, что большевиками, быть может, точнѣе, чѣм это производится в Европѣ, учтены все предметы, подлежащіе обложенію. Ими точнѣйшим об- разом учтены лошади, рабочій и молочный скот, овцы, свиньи, далѣе — огороды, виноградники не промысловаго значенія, сады при домах и т. д., и т. д. Все это за- писано, переписано и опредѣлено, сколько может давать доходу. И вот все эти данныя безпримѣрно хищнаго фискальнаго аппарата автор сравнивает с дан- ными предположительных отчетов 1913 года, когда и лошадей, и скота, и свиней, и, главное, садов и огоро- дов было несравненно болѣе, чѣм это показано под 1913 г., когда все эти объекты нынѣшняго обложения болѣею частью не попали в таблицы ни казенной палаты, ни Областнаго Правленія.

Пришли большевики, — значительную часть всего уничтожили, а потом оставшееся точно пере- писали и обнаружили „бурный рост продукціи ин- тенсивных отраслей земледѣлія“.

Особенно нелѣпость сравненія данных 1913 г. с данными большевицкаго періода обнаруживается в третьей статьѣ г. Яроцкаго „Животноводство“ (Кр. Зн. № 259). Характерно также и то, что большевики начинают эру своего хозяйствованія с 1924 г., тогда как в дѣйствительности они господами положенія на Кубани были уже и в 1920 хозяйственном году. Отговариваются деникинщиной и интервенціями, но данные Куб. Кр. Правительства за 1918-19 хоз. год не в пользу большевиков.

Автор констатирует, что „удѣльный вѣс полеводства постепенно падает; размѣры и удѣльный вѣс новых специальных культур (клешевина, кенаф, сахарная свекловица) невелики, и валовая продукція незначительна; нагрузка посѣвной площади на 1 единицу рабочаго скота равняется 4,5 дес. против 3,8 в 1913 г.; темп увеличенія числа рогатаго скота за послѣдніе 2 года оказался менѣе значительным, чѣм это было в предыдущіе годы; свиноводство, представляющее наиболѣе товарную отрасль животноводства, не дает столь послѣдовательнаго роста, как другія отрасли животноводства“ и т. д.

Если бы г. Яроцкій пожелал быть объективным до конца, то он должен бы был сказать правду и о „продукціи интенсивных отраслей земледѣлія“, а не хвастаться ея семикратным увеличеніем, чего в дѣйствительности нѣтъ. Весной в том же „Кр. Зн.“ тот же Яроцкій будет писать, как это уже было, об уничтоженіи филлоксерой цѣлых виноградников, и другими вредителями иных садовых культур. О новых же насажденіях в размѣрах, какіе бы возстановили разрушенныя садовыя хозяйства, что-то не слышно. Кубанское хозяйство переживает не временный кризис, а тяжело и безнадежно надорвано хищническим и безтолковым хозяйничаньем залетной, чуждой кубанскому населенію, сворой безответственных проходимцев, залетных: гастролеров-растратчиков, выслужившихся чекистов, которые замѣчают свою брутальность в отношеніи Кубани только тогда, когда аппарат, высасывающій народныя силы, начинает дѣлать перебой.

В серединѣ ноября с. г. предсѣдатель Сѣверо-Кавказскаго Краевого исполкома на IV куб. окружной конференціи ВКП(б) в Краснодарѣ говорил: „мы считаем Кубань „житницей“ потому, что Кубань дает массу экспортнаго хлѣба. Мы привыкли считать, так всегда и заявляем, что Кубань — мощный округ. С этого мощнаго округа мы в наш бюджет, в порядкѣ созданія фонда регулированія, берем извѣстную долю доходов. Но, когда мы получили от кубанскаго окружкома подробный доклад и познакомились с ним, то мы увидѣли, насколько мы сами мало знаем наше мѣстное хозяйство, и только послѣ этого мы должны были признать, что мощный Кубанскій округ испытывает сейчас кризисное положеніе. Кризисное положеніе потому, что, оказалось, дѣло с инвентарем обстоит плохо... Промышленность Кубанскаго округа отстает в своем ростѣ от краевой. Когда мы посмотрѣли на распределеніе кредитов, то оказалось, что Кубань и здѣсь отстает“.

В таком положеніи находится богато одаренная природой Кубань, силы населенія которой и ея природныя богатства перекачиваются в московскую казну, из которой щедро оплачиваются чекисты и международныя проходимцы.

В „раю“.

(Из письма с Кубани).

„... В. не может послать вам карточки, это сдѣлать нам трудно, она раз в недѣлю обѣдает, потому что уже мѣсяца три не служит, получает 13 руб. в мѣсяц, как безработная; дѣти (трое) совсѣм раздѣтыя. Я Ванѣ свои сорочки перешивала, но у меня вѣдь ничего нѣтъ

тоже. Хлѣба мы в этом году с двух десятин набрали мало, намолотили всего три чучала муки, как проживем этот год, и не знаем... Платок, что вы послали из заграницы, стоит здѣсь 60 руб.*) С. тоже болѣе мѣсяца как сокращен. Получает, как безработный, 7 руб. а что это для него — на четыре души, — у него, как вам извѣстно, двое дѣтей“...

С—в.

Новая концессія.

26 ноября Глав. концесс. комитетом заключен договор с американской фирмой Фаркуар; в силу этого договора американцы вкладывают в металлическую промышленность большія средства. Американская фирма Фаркуар представляет Совѣтскому правительству кредит 40 миллионн доллоров сроком на 6 лѣтъ для крупнаго переоборудованія Макѣвскаго завода.

По договору, заем, представленный сейчас на шестилѣтній срок, может быть превращен в 20-лѣтній. Если фирма даст на это согласіе в течение четырех лѣтъ послѣ подписанія договора, ей будет представлено право вложить новыя средства в ряд Совѣтских предприятий. Прежде всего, американцы будут имѣть право вложить свои капиталы в переоборудованіе Екатеринбургской и Донецкой желѣзных дорог и линіи Лихая—Царицын, и Мерефа—Херсон—Николаев.

В порядкѣ концессій американцам будет сдана постройка в Царицынѣ элеваторов, пристаней, складов и судостроительных верфей.

(„Молот“. 1901).

„Забота о безпризорных“.

„Мысль“, конечно, прекрасная: вылѣчить безпризорника трудом. Когда организовывали дѣтскую трудовую колонію в Тихорѣцком районѣ, было на этот счет сказано много замѣчательных рѣчей. Об уличной грязи, о хрупкой дѣтской душѣ, забрызганной вышеуказанной грязью, о трудовом творчествѣ и о многом ином. Колонія была организована; 50 чумазых и веселых ребят отправились туда освобождать свои хрупкія души от уличной грязи. Шли мѣсяцы. Из колоніи поступали куда слѣдует бодрые доклады о том, что все идет прекрасно: дѣти работают, педагоги получают жалованье и хозяйство колоніи „растет и ширится“. Заглянуть в колонію и посмотреть поближе, во что вылилось это дѣйствительно интересное начинаніе, никто не удосужился.

А совсѣм недавно комсомолец Сандер, работник тихорѣцкаго райкома, обследовал колонію и в актѣ описал тѣ безобразія, которыми только и примѣчательна эта „трудовая колонія — лечебница“.

50 ребят размѣщены в 4 комнатах. Часть дѣтей спит в холодном корридорѣ, в котором гуляют вѣтры всѣх стран свѣта. Бѣлье дѣти не мѣняют 4 мѣсяца, вид у них — нищенски-оборванный, забытый. Колонія имѣет мощное хозяйство, а дѣтям выдают черный горькій хлѣб. Утром и вечером дают чай без сахара, на обѣд — одно блюдо. На 50 человек отпускают 7 фун. мяса. С дѣтьми не ведется никаких занятій. Большинство ребят неграмотны. Ребята страстно ждут весны, чтобы расправить крылья и упорхнуть из „трудовой лечебницы“ на „волю“. В составѣ служащих колоніи нѣтъ ни одного партійца, а комсомольская ячейка спит мертвым сном“.

(„Молот“ 1901).

*) В Парижѣ этот платок куплен за 19 франков.

Слѣдующій номер журнала выйдет 10-го января 1928 года.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1
Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всѣх славянских языках.